

БЕСѢДЫ
О. ПРОТОІЕРЕЯ ІОАННА
СЪ НАСТОЯТЕЛЬНИЦЮ
ІОАННО-ПРЕДТЕЧЕНСКАГО ЛЕУШИНСКАГО ПЕРВОКЛАСНАГО МОНАСТЫРЯ
ИГУМЕНІЮ ТАИСІЮ.

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ ОПИСАНІЯ ПѢКОРЫХЪ ОСОБЕННЫХЪ СОБЫТІЙ ИЗЪ ЖИЗНИ
ИГУМЕНИИ ТАИСИИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СИНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1909.

Мѣвъ счастье состоять въ теченіе болѣе 35 лѣтъ въ самыхъ близкихъ духовныхъ отношеніяхъ къ незабвенному, въ Божѣ почившему о. Протоіерею Іоанну Сергіеву (Кронштадтскому), я нерѣдко бесѣдовала съ нимъ, иногда подолгу и обстоятельно, о предметахъ духовнаго, возвышеннаго характера. Пользуясь такими случаями, я старалась предлагать ему вопросы, относящіеся къ моей лично духовной, индической многотрудной жизни, и, слагая въ сердцѣ своемъ всѣ отвѣты Батюшки, уединяясь вечеромъ въ своей кельѣ, тщательно записывала, стараясь упомнить каждое его слово. Изъ такихъ записей составила цѣлая тетрадь. За послѣдніе годы (въ точности указать годъ—не могу) я сказала объ этомъ Батюшкѣ, и онъ пожелалъ самъ провѣрить записи, нашелъ ихъ правильными, сдѣлалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поправки, гдѣ вписалъ своей рукой прибавленія, а затѣмъ сказалъ мнѣ: «Хорошо, что ты запоминаешь мои слова: *Хвалю васъ, говоритъ Апостоль, яко слово мое помните и преданія моя держите* ¹⁾). Значить, сѣмя падаетъ на

¹⁾ 1 Кор. 11, 2.

добрую землю и принесетъ плодъ, довольный къ насыщенію и другихъ». Вотъ эти записи, начиная съ 1891-го года, т. е. съ перваго года, какъ о. Іоаннъ сталъ ѣздить на свою родину, въ село Суру, для постройки въ немъ приходскаго каменнаго храма.

Когда Батюшка, обратнымъ путемъ съ родины по Маріинской системѣ, вступилъ въ рѣку Шексну для слѣдованія по ней до гор. Рыбинска, его ожидалъ въ гор. Череповцѣ большой пассажирскій пароходъ, арендованный г-ми Л., приглашавшими Батюшку въ Рыбинскъ. Я наканунѣ этого дня, 17-го іюля, по своему монастырскому дѣлу прибыла въ Череповецъ; но о предстоящемъ посѣщеніи его о. Іоанномъ ничего не знала и не помышляла. Къ вечеру уже въ Череповцѣ я узнала объ этомъ, а поутру слѣдующаго дня стало извѣстно, что Батюшка уже пріѣхалъ и находится у соборнаго старосты купца Крохина. Я направилась туда, едва пробираясь чрезъ огромную толпу народа, и стала убѣдительно просить Батюшку заѣхать въ нашу обитель, находящуюся невдалекѣ отъ берега рѣки Шексны. Батюшка отказывался за неудобствомъ задерживать пароходъ, арендованный хозяевами для доставленія его къ нимъ, а не для заѣздовъ. При этомъ онъ прибавилъ: «Если хочешь побесѣдовать, такъ лучше поѣдемъ съ нами на пароходѣ и поговоримъ». И такимъ образомъ мы отправились. Но и тутъ я снова повторила ему свою просьбу, заручившись согласіемъ на то хозяевъ парохода, и онъ согласился. На пристани (нашей монастырской) «Борки» мы сошли на берегъ и поѣхали въ экипажѣ въ обитель.

Первое слово Батюшки, обращенное ко мнѣ, было:

Отецъ Іоаннъ. Чтò ты такъ просила меня за-
ѣхать?—вотъ мы съ тобой видѣлись, побесѣдо-
вали,—не довольно ли?

Игуменія Таисія. Оттого-то, Батюшка, я и прошу Васъ, что имѣла счастье побесѣдовать съ Вами и «видѣть» Васъ. Получивъ это счастье для себя, я не могу не желать, чтобы и сестры мои удостоились того же. Если не употреблю для сего всѣхъ зави-
сящихъ отъ меня мѣръ, то это будетъ у меня на совѣсти; если же сдѣлаю все со своей стороны, но Вы сами не соизволите на это, то я уже не под-
лежу отвѣту предъ Богомъ за то, что сестры не получаютъ сего блага.

Батюшка внимательно взглянулъ на меня и сказалъ: «Вотъ какъ ты говоришь! ну, вотъ мы и ѣдемъ».

На пути мы начали бесѣдовать.

Игуменія Таисія. Желала бы я, Батюшка, от-
крыть предъ Вами всю мою душу; я и всегда старалась это дѣлать, чтобы Вы видѣли ее, какъ внѣшнюю вещь, и могли указать, что ей на пользу, ибо это и есть цѣль моихъ съ Вами бесѣдъ. Вѣдь мы часто себя сами не познаемъ, снисходя къ своимъ немощамъ. Впрочемъ, я вижу, что Вы человѣкъ облагодатствованный, и сами видите, присутимъ Вамъ Духомъ Святымъ.

Отецъ Іоаннъ. Намъ, пастырямъ, дана благо-
дать особенная на дѣло спасенія ввѣренныхъ намъ душъ; а благодать сообщаетъ и вѣдѣніе по мѣрѣ надобности.

Игуменія Таисія. Да, Батюшка; но не всѣмъ

одинаково; думаю—по мѣрѣ личной способности воспринять ее. Вы-то особенно облагодатствованы и духомъ видите собесѣдника; я давно замѣчала это.

Отецъ Іоаннь. А если замѣчала и понимаешь духовность въ человѣкѣ, то нечего и сомнѣваться, а надобно вѣрить. Это врагъ смущаетъ нашу душу невѣріемъ и сомнѣніемъ, чтобы не дать ей мира.

Игуменія Таисія. Много приходится Вамъ, Батюшка, видѣть людей, выслушивать ихъ разнообразныя нужды, грѣхи, недуги, и чего-чего Вамъ не открываютъ, не повѣряютъ люди!

Отецъ Іоаннь. Да, родная; многое и многихъ приходится выслушивать! (И Батюшка тяжело вздохнулъ.)

И. Т. И тяжело же Вамъ, дорогой Батюшка?

О. І. Не легко; но въ томъ-то и заключается исполненіе нами заповѣди Апостольской: *«мы, сильніи, должны есмы немощи немощныхъ носить»* ¹⁾. Не легка и широка эта заповѣдь; и относится она преимущественно къ намъ, пастырямъ.

И. Т. А вѣдь встрѣчаются души чистыя, святыя, совершенныя?

О. І. Совершенство наше тамъ,—сказалъ Батюшка, указывая на небо,—и «единъ Святъ, Господь Іисусъ Христосъ».

И. Т. Батюшка, доколѣ человѣкъ во плоти, онъ не можетъ быть свободенъ отъ страстей и искушеній и отъ соблазновъ, которые отовсюду окружаютъ его въ мірѣ?

О. І. Разумѣется, не свободенъ: потому-то и надобно глубоко и неослабно внимать себѣ. Чело-

¹⁾ Рим. 15, 1.

вѣкъ въ минуты искушеній подобенъ лежащему на вѣсахъ,—куда его перетянетъ? Врагъ тянетъ его въ гибель, а Ангелъ и сама совѣсть человѣка удерживаютъ его. Въ это время слѣдуетъ вооружиться страхомъ Божиимъ, представивъ себѣ ужасъ адскихъ мученій. Необходимо присоединить и тайную молитву сердца, ибо безъ помощи Божіей мы не сильны бороться съ искушеніями.

И. Т. Когда человѣкъ внимаетъ себѣ и слѣдитъ за собою, то и малѣйшее уклоненіе отъ Бога, волею или неволею допущенное, тяготитъ душу и нарушаетъ ея мирное состояніе (говорю, впрочемъ, изъ собственнаго опыта). Съ потерю мира, рождается тревога, смущеніе, тѣснота. О, какъ тяжело бываетъ душѣ, и какъ трудно ей снова возстановиться!

О. І. Потребно немедленное тайное покаяніе: *«воззоветъ ко Мнѣ, и услышу его»*. Господь знаетъ наши немощи. Онъ готовъ простить намъ все, если мы каемся и просимъ прощенія. Не надобно коснѣть, т. е. останавливаться на мысли о совершенномъ грѣхѣ, а тотчасъ же каяться, памятуя милосердіе Божіе; тогда породится не тревога и разсѣянность, а сокрушеніе и смиреніе сердца, которое *«Богъ не уничижитъ»* ¹⁾, т. е. не презритъ.

И. Т. Какъ сохранить въ душѣ миръ съ Богомъ, возстановленный въ ней чрезъ таинства, или чрезъ тайное покаяніе, или милосердіемъ Божиимъ?

О. І. Ничѣмъ такъ не сохранишь миръ, состоящій въ общеніи съ Богомъ, какъ вниманіемъ къ себѣ. Вообще человѣкъ, проходящій жизнь духовную и ревнующій о спасеніи, долженъ неослабно

¹⁾ Псал. 90, 15.

внимать себя, т. е. замѣчать всѣ движенія своего сердца и ума. За ними сильно назираетъ врагъ и ищетъ уловить ихъ; и когда найдетъ скважинку, т. е. минуту, не занятую вниманіемъ самого домохозяина, тотчасъ же вторгается и самъ начинаетъ хозяйничать въ его душѣ, и много можетъ навредить ей.

И. Т. А какъ тяжело чувствуетъ себя душа, когда, очистившись и возстановивъ свое общеніе съ Богомъ, опять нарушить его!

О. І. На чистомъ и бѣломъ виднѣе пятнышко и самомалѣйшее; такъ и на душѣ чистой; а въ черномъ и грязномъ они и незамѣтны за общею чернотою и грязью. Опять такъ и выходить; что надобно внимать себя и имѣть непрестанное памятованіе о Богѣ и внутреннюю молитву.

И. Т. Да, Батюшка, невольно приходишь къ сознанію, какъ трудно человѣку, особенно поставленному жизни среди суеты, хотя бы и невинной, наприм. начальственной, но хранящему самовниманіе—устоять на этомъ пути.

О. І. Пожалуй, и трудно; но какое же доброе дѣло и дается безъ труда? а съ другой стороны, вѣдь въ трудѣ-то и спасеніе наше, вѣдь «Царствіе Божіе нудится»¹⁾, т. е. самопринужденіемъ, силою, стараніемъ берется, и только усиленные искатели достигаютъ его. Потребна молитва.

И. Т. Батюшка, научите меня молиться.

О. І. Самое простое дѣло—молиться, а вмѣстѣ и самое мудрое. Дитя малое умѣетъ по-своему молить, просить своего отца или мать о томъ, чего

¹⁾ Матѳ. 11, 12.

ему хочется. Мы—дѣти Отца Небеснаго; неужели дѣтямъ ухитряться просить отца? Какъ чувствуешь, такъ и говори Ему свои нужды, такъ и открывай свое сердце. «Близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ... и молитвы ихъ услышитъ» ¹⁾). Еще глаголющу тебѣ, речетъ: «Се придохъ!» О, какъ велико милосердіе Божіе къ намъ! Но вмѣстѣ и будь мудра и осторожна, береги умъ отъ разсѣянности и скитанія или суетности.

И. Т. Иногда, Батюшка, я дѣйствительно молюсь всѣмъ существомъ, точно бы я стояла предъ лицемъ Самого Господа. Все существо мое исчезаетъ въ молитвѣ, и сладка и горяча бываетъ молитва та. Но это бываетъ не часто; да я и не допускаю себѣ иногда таковаго состоянія; боюсь, чтобы не прельстилъ меня врагъ такую молитвою, какъ неискусную, еще не могущую понести высоты ея; это—дѣло преуспѣвшихъ болѣе меня въ духовной жизни. Вѣдь я почти всѣ аскетическія книги перечитала, и всѣ подвижники предостерегаютъ новоначальныхъ, неискусныхъ, такихъ какъ я, отъ созерцательной молитвы; т. е. ее необходимо достигать, но съ осторожностію, какъ высшаго дара Божія.

О. І. Что же и я тебѣ говорю: «будь мудра, осторожна»; но избѣгать созерцательной молитвы не слѣдуетъ. Такая молитва есть посѣщеніе благодати Божіей, ея надо усиленно просить и дорожить ею, а не избѣгать ни по какой причинѣ. Врагъ не любитъ такой молитвы, вотъ онъ и пугаетъ тебя, обманываетъ. Молитва умиряетъ душу, вселяетъ въ нее тишину и спокойствіе.

¹⁾ Пс. 144, 18, 19.

И. Т. Съ принятіемъ сана начальственнаго, я мало молжсь, Батюшка: вечеромъ,—не знаешь какъ до подушки добратся, такъ умаешься отъ дневныхъ дѣлъ и заботъ; а утромъ, прежде еще чѣмъ я встану, дѣла встанутъ, и лишь отворишь дверь, то едва ли вернешься для молитвы.

О. І. Не «во мноюглаголаніи» ¹⁾ молитва и спасеніе. Читай хотя и немного молитвъ, но съ сознаниемъ и съ теплотою въ сердцѣ. А главное, въ теченіи цѣлаго дня имѣй память о Богѣ, т. е. тайную, внутреннюю молитву. Я и самъ не имѣю времени выстаивать продолжительныя монастырскія службы; но вездѣ и всегда: иду ли я, ѣду ли, сижу или лежу, мысль о Богѣ никогда не покидаетъ меня, я молюсь Ему духомъ, мысленно предстою Ему и созерцаю Его предъ собою. «Предзрѣхъ Господа предо мною выну, да не подвижуся» ²⁾; мысль о близости Его ко мнѣ никогда не покидаетъ меня. Старайся и ты такъ поступать.

И. Т. А близкимъ къ себѣ Вы Его ощущаете, Батюшка?

О. І. Да, родная, близкимъ, весьма близкимъ: Онъ всегда со мною, по слову Его: «и всемося въ нихъ, и похожду, и буду имъ Богъ» ³⁾. Иначе какъ бы я могъ такъ дѣйствовать по цѣлымъ днямъ, если бы не благодать Божія?

И. Т. Да, Батюшка, трудитесь Вы изумительно; Вы всецѣло приносите себя въ жертву на служеніе людямъ, забывая о себѣ.

О. І. Пожалуй, ты и слишкомъ уже сказала; но

¹⁾ Матѣ. 6, 8.

²⁾ Псал. 15, 8.

³⁾ 2 Кор. 6, 16.

дѣйствительно, я стараюсь по мѣрѣ силъ моихъ, съ помощію Божіею, служить спасенію душъ человѣческихъ. Я готовилъ себя къ этому съ самаго начала своего священствованія. Пастыри, преемники Апостоловъ, должны жить для паствы своей, а не для себя; «мы—соль земли; аще соль обуюетъ, чимъ осолится»¹⁾).

И. Т. Вѣдь Вы, Батюшка, давно священствуете, а открыто явились людямъ не такъ давно?

О. І. То было время искуса. Можно ли исходить на брань, не приготовивъ себя и не искусившись?

И. Т. Да, не легко Вамъ было, Батюшка, но зато теперь Вы стоите выше всѣхъ искушеній и страстей; а что приразилось бы къ Вамъ—сокрушится о камень вѣры и благодати, присущей Вамъ.

Перекрестился Батюшка и сказалъ, вздохнувъ:

О. І. Много сказать—выше всѣхъ искушеній и страстей; я не безстрастенъ. Но Божія благодать, «яже во мнѣ не тща бысть»²⁾, всегда подкрѣпляла и ободряла меня. Наши вѣдь—однѣ немощи и грѣхи, а способность наша къ служенію—отъ Бога.

И. Т. Велика въ Васъ вѣра, Батюшка; а во мнѣ недостаточна,—подѣлитесь со мною.

Батюшка улыбнулся и сказалъ:

О. І. Бери сколько хочешь, сколько можешь понести. Господь богатъ милостію.

И. Т. Вы шутите, Батюшка, а я часто колеблюсь, не въ вѣрѣ, конечно, въ Бога,—о, нѣтъ! я въ Него вѣрую всегда твердо и несомнѣнно,—а вотъ наприм. въ томъ, могу ли я надѣяться на спасеніе избраннымъ мною путемъ? отъ Бога ли было мое

¹⁾ Матѳ. 5, 13.

²⁾ 1 Кор. 15, 10.

призваніе и всѣ видѣнія мои, о которыхъ Вы знаете? да и во многихъ другихъ вопросахъ, которые мнѣ хотѣлось бы провѣрить болѣе духовнымъ, благодатствованнымъ взглядомъ и укрѣпиться вѣрою и упованіемъ.

О. І. Напрасно смущаешься; первое твое видѣніе Спасителя было тебѣ еще въ дѣтствѣ, какая же прелесть могла тутъ быть? Онъ этимъ призвалъ тебя на служеніе Ему и далъ тебѣ какъ бы залогъ спасенія.

И. Т. Онъ сказалъ мнѣ въ концѣ видѣнія: «прежде потрудись!»—Я и тружусь изо всѣхъ силъ; но такъ ли, какъ Ему угодно, тружусь, и приметъ ли Онъ мои труды, пріятны ли они Ему,—я не могу быть увѣрена; вѣдь *«инъ судъ Божій»*.

О. І. Какъ не приметъ, когда уже вѣнчалъ ихъ успѣхомъ? Смотри, какой соборъ воздвигла ты безъ всякихъ средствъ и въ какое короткое время; не Господь ли вѣнчалъ твои труды такимъ успѣхомъ? А за всю-то обитель, за сестеръ-дѣвственницъ, которыми ты руководишь ко спасенію, Господь воздастъ тебѣ сторицею, потому что Онъ праведенъ и милостивъ.

И. Т. Да вѣдь это все внѣшнее, родной мой Батюшка; ну, построила я соборъ, чужими, т. е. сборными грошами, чужими руками; да и за это меня всѣ хвалятъ—ну, вотъ и воздаяніе внѣшнее за внѣшнее. А о душѣ своей говоря,—что я приобрѣла для нея въ теченіи многолѣтней жизни въ монастырѣ?

О. І. Для души, говоришь, не приобрѣла ничего? объ этомъ судить Богу Сердцевѣдцу. Пока мы на землѣ, Таисія, душа неразрывно соединена съ внѣ-

пностію, и труды, хотя и вещественные, подъемлемые ради Господа и во славу Его, безспорно приемлются Имъ. Говоришь: «чужими грошами построила»; да своими-то легче гораздо было бы, чѣмъ путемъ тяжелыхъ сборовъ добывать эти гроши. А что хвалить тебя за соборъ, то какъ же не хвалить за такое великое дѣло? Вѣдь тутъ до скончанія вѣка Имя Божіе будетъ славословиться тысячами устъ, и твоя память, какъ храмоздательницы, не перестанетъ поминаться церковью.

И. Т. Я за то нынѣ съ этими строительными и вообще начальственными заботами и трудами не имѣю ни молитвы, ни поста, ни подвиговъ монашескихъ.

О. І. Подвиги твои не для твоей одной души, а для общаго блага, потому они и велики, и выше частныхъ, собственно для себя. Что же касается поста, ты лжешь сама на себя: вѣдь пища твоя скудная, простая, а совсѣмъ не вкушать невозможно трудящемуся.

И. Т. А грѣха-то сколько въ начальственной должности!

О. І. А на что же Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра? Проси у Бога вѣры и упованія. «*Совершении уповайте на приносимую вамъ благодать*»¹⁾, говоритъ Апостоль Петръ.

И. Т. Помолитесь за меня, дорогой мой Батюшка, Вашими многомогъными молитвами да поможетъ и мнѣ Господь.

О. І. Молюсь и буду молиться. И ты молись за меня, и твоя молитва имѣетъ дерзновеніе.

¹⁾ 1 Петр. 1, 13.

И. Т. Какая моя молитва? Я молюсь за Васъ, отецъ мой, но только потому, съ одной стороны, что хочется за Васъ помолиться, какъ за любимаго отца, которому желаешь всякаго блага; а съ другой, стыдно мнѣ и страшно молиться за Васъ, ибо кто я предъ Богомъ сравнительно съ Вами?

О. І. Что ты, Таисія, неправедно возвышаешь меня? Я первый изъ грѣшниковъ. Самъ Апостоль просить вѣрующихъ молиться о немъ: «*молитесь о мнѣ*» ¹⁾). И другой Апостоль пишетъ: «*молитесь другъ за друга*» ²⁾). Да инакъ легче молиться за тѣхъ, кто за насъ молится.

И. Т. Я однажды писала Вамъ, Батюшка, просила помолиться объ исцѣленіи меня отъ болѣзни; получила лишь облегченіе, а не совершенное исцѣленіе.

О. І. И не надобно, значить. Не ищи избавиться отъ болѣзней, надо же и поболѣть, и потерпѣть, все на пользу, на спасеніе наше.

Эта бесѣда наша съ Батюшкою въ первое наше съ нимъ путешествіе въ 1891-мъ году іюля 18-го дня записана мною почти дословно вечеромъ того же дня; продолжалась она на пути отъ пристани до монастыря, гдѣ Батюшка побылъ весьма недолго, вслѣдствіе просьбы хозяевъ парохода не задерживать его, и на обратномъ пути изъ обители на пароходъ.

Когда уже оставалось недалеко до пристани и приближалась минута разстаться съ дорогимъ отцемъ, мнѣ стало грустно, и я сказала ему:

И. Т. Вотъ мы сейчасъ и разстанемся съ Вами, дорогой Батюшка, а какъ сладко мнѣ было съ Вами

¹⁾ 1 Солун. 5, 25.

²⁾ Гал. 5, 16.

бесѣдовать! а теперь, Богъ знаетъ, когда придется свидѣться.

О. І. Будемъ благодарить Бога и за то, что получили; сама ты говоришь, что все это устроилось неожиданно, непредвидѣнно для тебя, такъ вотъ и гляди сама; а развѣ Господь-то не такой-же милостивый будетъ и всегда? *«Иисусъ Христосъ вчера и днесъ, тойже и во вѣки»* ¹⁾. Что впередъ заглядывать?—Будемъ надѣяться!

И. Т. Вы очень спѣшили, Батюшка, и даже не покушали ничего; мнѣ очень совѣстно, что Вы со всѣмъ голодны.

О. І. Напротивъ, я сытъ больше чѣмъ нужно. Я хотѣлъ бы быть голоднымъ; когда голоденъ тѣломъ, то душа сытѣе, свободнѣе, легче можетъ возноситься горѣ, а сытое тѣло и душу пригнетаетъ, порабощаетъ, да и *«не о хлѣбѣ единомъ живѣ будетъ человекъ»* ²⁾.

И. Т. Удивляться надобно, Батюшка, какъ это Вы всякій и самый простой, заурядный случай и даже каждое слово обращаете въ назиданіе, въ урокъ. Вотъ хотя бы и изъ этого слова какой высокой смыслъ выносите!

О. І. Христіанинъ долженъ весьма осторожно относиться къ каждому слову и стараться обратить его въ пользу себѣ и собесѣднику.

И. Т. Ну вотъ, родной Батюшка, подъѣзжаемъ къ пристани, сейчасъ разлучимся. (И я заплакала).

О. І. *«Кто ны разлучитъ отъ любви Божія?»* ³⁾ И насъ съ тобой, матушка, любящихъ Господа, ничто не разлучитъ ни въ сей жизни, ни въ будущей,—

¹⁾ Евр. 13, 8.

²⁾ Матѣ. 4, 4.

³⁾ Рим. 8, 35.

вѣруй и надѣйся. «Держи, еже имаши, да никтоже возьметъ вѣнца твоего».

И. Т. Чѣмъ могуя выразить Вамъ мою искреннюю, глубокую благодарность за посѣщеніе нашей обители? О, если бы я могла чѣмъ-нибудь послужить Вамъ или угодить!

О. І. Угождай Господу, больше мнѣ ничего не надо, и ничто не можетъ быть для меня болѣе пріятнаго.

И. Т. Если бы за Ваши святые молитвы и помогъ мнѣ Господь преуспѣвать въ духовной жизни, то все-таки это будетъ не Вамъ угожденіе, а прямая обязанность моя и польза для моей души; притомъ же какъ Вы узнаете объ этомъ, чтобы порадовалось Ваше отеческое сердце? вѣдь мы съ Вами не часто видимся и живемъ довольно далеко другъ отъ друга.

О. І. А я говорю тебѣ, что узнаю—вѣрь этому, и отнынѣ мы будемъ часто видѣться. Я ежегодно буду ѣздить на родину и обратнымъ путемъ, можетъ быть, буду заѣзжать въ твою обитель.

Съ такою радостною надеждою оставилъ меня Батюшка, сѣвъ на пароходъ; а я, вернувшись въ обитель, тотчасъ же записала всю эту нашу бесѣду.

Эти слова Батюшки о. Іоанна вполне сбылись; хлопоты мои о пріобрѣтеніи мѣста въ Петербургѣ для постройки подворья съ цѣлью матеріальной поддержки нашей обители, не имѣющей ни капитала, ни обезпеченія, начавшіяся еще при митрополитѣ Исидорѣ, требовали иногда моего не кратковременнаго пребыванія въ столицѣ, гдѣ я нерѣдко видѣлась съ Батюшкою, хотя вести съ нимъ духовную бесѣду никогда не приходилось;

но за то, во время заѣздовъ его къ намъ въ монастырь лѣтомъ на обратномъ пути съ родины, мы получали поистинѣ неземное наслажденіе, находясь въ непрерывномъ общеніи съ этимъ благодатнымъ пастыремъ въ теченіи нѣсколькихъ дней и даже недѣль. Онъ обыкновенно писалъ мнѣ съ родины с. Суры или изъ Архангельска о томъ, куда предполагаетъ заѣхать, сколько гдѣ пробыть и когда приблизительно быть у насъ и на своемъ ли пароходѣ или на арендованномъ, и мое дѣло было встрѣтить его на назначенномъ мѣстѣ. Вотъ тутъ-то начинался мой праздникъ, мой отдыхъ, т. е. буквально отдыхъ душевный, обновленіе силъ и подъемъ духа. Ѣдемъ съ нимъ, бывало, отъ пристани нашей «Борки» до монастыря; дорога все идетъ лѣсомъ, а версты за три до монастыря, пересѣкая дорогу, проходитъ полоса монастырскаго лѣса; и станетъ Батюшка благословлять его на обѣ стороны: «возрасти, сохрани, Господи, все сіе на пользу обители Твоей, въ нейже Имя Твое святое славословится непрестанно». Дорогою спрашиваетъ о состояніи сестеръ, о здоровьѣ ихъ и т. под. Подъѣзжаемъ къ деревнѣ, расположенной за одну версту отъ обители и составляющей весь ея приходъ, а тамъ по обѣимъ сторонамъ пестрѣетъ народъ, вышедшій на благословеніе къ великому гостю: мужички, съ обнаженными головами, кланяются въ поясъ; женщины, съ младенцами на рукахъ, спѣшатъ на перерывъ поднести своихъ дѣтокъ, хоть бы ручкой-то коснулся ихъ Батюшка; только и слышно: «Батюшка кормилецъ», «родимый ты нашъ», «красное солнышко». А Батюшка на обѣ стороны кланяется, благословляетъ, говоря: «здравствуйте, братцы!

здравствуйте, матери! здравствуйте, крошечки Божіи! да благословитъ васъ всѣхъ Отецъ нашъ Небесный! Христосъ съ вами! Христосъ съ вами!»

А какъ только пойдутъ монастырскія постройки—дома причта, гостинницы и пр., тутъ встрѣчаютъ сестры съ громкимъ стройнымъ пѣніемъ: «Благословенъ грядый во имя Господне!» и далѣе съ пѣніемъ же провожаютъ до самаго соборнаго храма, гдѣ встрѣчаютъ священнослужители, а звонъ въ большой колоколъ давно уже гудитъ. Похоже на что-то пасхальное, прерадостное: общій подъемъ духа, общее торжество! Послѣ литургіи, за которою всегда бываетъ много причастниковъ, Батюшка проходитъ прямо въ садъ, куда приглашаются и всѣ сослужившіе ему священнослужители, гости, прїѣхавшіе къ нему; туда же является и самоварчикъ со всѣми своими атрибутами, и дорогой Батюшка, зная, что всякому прїятно получить чайкъ изъ его рукъ, старается всѣхъ утѣшить. Потомъ пойдетъ гулять по аллеямъ сада или одинъ, или съ собесѣдникомъ, но никто не беспокоитъ его. Какъ только Батюшка проходитъ черезъ террасу въ домъ,—садъ пустѣетъ, такъ какъ всѣ расходятся. Но вѣдь Батюшка слишкомъ любитъ чистый воздухъ: не только днемъ проводитъ все время или въ саду, или катаясь со мною по полямъ и лѣсамъ, но иногда, въ теплыя, сухія ночи, и спитъ на террасѣ. Иногда въ саду соберетъ болѣе близкихъ знакомыхъ своихъ и нѣкоторыхъ сестеръ обители и, самъ выбравъ гдѣ-нибудь мѣстечко, станетъ читать намъ книгу, имъ же самимъ выбранную; но чаще всего читалъ Евангеліе, Апокалипсисъ или книгу пророковъ и все читаемое тутъ же объяснялъ. Иногда чтеніе

прерывалось и бесѣдами на объясняемую тему. Когда устанетъ сидѣть или утомится чтеніемъ, скажетъ мнѣ: «А что матушка, не худо бы и прокатиться намъ въ Пустыньку твою». И конечно, это моментально исполняется, и мы ѣдемъ. Катались мы всегда небыстро, медленно, потому что въ это время Батюшка или молился тайно, или бесѣдовалъ со мною, или просто дремалъ; да и нужды не было скоро ѣхать: народъ, какъ бы много его ни было, никогда у насъ не бросался къ нему, не беспокоилъ его на дорогѣ. О «Пустынькѣ», этомъ излюбленномъ мѣстечкѣ Батюшки, я сообщу послѣ подробно, а теперь возвращусь къ его назидательнымъ бесѣдамъ.

Какъ-то, между прочимъ, зашелъ разговоръ о вѣрѣ, и я, съ своей стороны, сказала, что вѣра наша не такъ темна и слѣпа, какъ иные выражаются: «вѣра слѣпая».

И. Т. Я нахожу, что тайны вѣры доступны пониманію, не скажу—ума, а—души и сердца. Не слѣпо, не безотчетно я вѣрую, а сознательно, такъ сказать осязательно, понимая—во что, почему и какъ вѣрую.

О. І. Такъ сказать могутъ только люди духовные; а мірскіе, не упражняющіеся въ предметахъ вѣры, не могутъ такъ сознавать таинъ вѣры. Да и во всякомъ случаѣ, есть тайны вполне непостижимыя, недоступныя пониманію; наприм.: тайна Св. Троицы,—кто постигнетъ ее? Одинъ,—а три. Три,—а одинъ...

И. Т. Это объясняется различіемъ лишь свойствъ Трѣипостаснаго Божества. Богословіе объясняетъ это такъ: Богъ Отецъ — превѣчный Умъ, Богъ Сынъ — превѣчное Слово, Богъ Духъ—животвор-

ная, умная, вѣстасная, всемогущая свѣтыня, животь отъ живота, и т. под. Вы сами подобно сему въ «Дневникѣ» пишете: «Я мыслю Отцемъ, говорю Словомъ, дышу Духомъ Свѣтымъ». Слѣдовательно; эта непостижимость тайны упрощается, уясняется сближеніями и подобіями, и непроницаемость ея сглаживается.

О. І. Да, для вѣрующихъ, просвѣщенныхъ духовно; а всѣ ли могутъ вмѣстить это понятіе? Впрочемъ, въ томъ и состоитъ величіе нашей вѣры, что она не такъ ясна, какъ познаніе; иначе она бы превратилась въ знаніе и утратила бы свое величіе. Могу ли я благоговѣть предъ тѣмъ, что, чрезъ мое всестороннее пониманіе, уступаетъ моему знанію, становится какъ бы ниже меня? Нѣтъ; тамъ, въ будущемъ вѣкѣ «познаемъ» болѣе полно, а теперь довольно намъ «разумѣть отчасти», какъ Апостоль о вѣрѣ пишетъ: *«нынѣ разумѣемъ отчасти, тогда же познаемъ, якоже познани быхомъ»* ¹⁾.

И. Т. *«Нынѣ видимъ яко зеркаломъ въ гаданіи, тогда же лицемъ къ лицу»*, добавила я и продолжала: неужели, Батюшка, мы увидимъ Господа лицемъ къ лицу? Ужъ, кажется, и не выдержать челоуѣческому брѣнному естеству.

О. І. Не выдержать, пока челоуѣкъ во плоти, пока живетъ на землѣ, вращается въ земной суетѣ; помнишь, что Богъ сказалъ Моисею: *«лице же Мое не явится тебѣ, не бо узритъ челоуѣкъ лице Мое и живъ будетъ»* ²⁾. А въ будущемъ вѣкѣ, когда и самъ челоуѣкъ одухотворится, Господь явитъ ему Себя, насколько онъ можетъ вмѣстить; ужъ это дѣло Божіе.

¹⁾ 1 Корин. 13, 12.

²⁾ Исходъ 33, 20.

Чтобы не быть отверженными отъ Божественнаго неба, отъ пресвѣтлыхъ селеній святыхъ, во вѣки неветшающихъ и всегда живыхъ, свѣтлыхъ, благоухающихъ, всерадостныхъ, надобно здѣсь приуготовлять себя храненіемъ заповѣдей Божіихъ, покаяніемъ и упражненіемъ въ добрыхъ дѣлахъ, нужно вѣдать и посѣщать на землѣ домъ Божій, знать великое его воспитательное назначеніе для душъ христіанскихъ и заранѣе приучиться здѣсь дышать небеснымъ воздухомъ, облагоуханнымъ духовными ароматами христіанскихъ добродѣтелей, коими благоухаетъ все небо, все собраніе святыхъ; ибо въ храмъ непрестанно восхваляютъ добродѣтели и доблестные подвиги всѣхъ святыхъ Христовой Церкви.

Безмѣрно много дано людямъ благодати и милости Божіей въ воплощеніи Сына Божія; много требуется взаимно и отъ нихъ: требуется непрестанное и внимательное размышленіе о дѣлахъ домостроительства Божія, благодарность, выражающаяся исполненіемъ заповѣдей Божіихъ, послушаніе, взаимная любовь и снисходительность другъ къ другу, правда, святость, а для этого необходимо вниманіе къ самому себѣ, какъ сказано: *«аще быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были»* ¹⁾. О, какъ врагъ двоитъ душу человѣка, отвращая ее отъ Бога пристрастіями и любовію къ плоти и всему плотскому, къ міру и его благамъ: славѣ земной, красотѣ плотской, къ богатству и ко всякимъ земнымъ удовольствіямъ, по большей части грѣховнымъ! Любовь къ Богу погашается грѣховною любовію; по-

¹⁾ 1 Коринт. 11, 31.

этому какъ зорко надобно слѣдить за всѣми изви-
бами своего сердца, чтобы оно не отпало отъ Бога,
этого единственнаго Источника всякаго блага!

И. Т. Не знаю, родной Батюшка, можетъ быть
я и ошибаюсь, но, часто провѣряя свое сердце, я не
нахожу въ немъ пристрастія ни къ чему земному.
Не могу не сознавать, не ощущать, что мнѣ какъ
бы отвлеченно отъ земного живетъ, лишь по обя-
занности принимаешь во всемъ участіе и вра-
щаешься всюду.

О. І. Благодарю Господа, что Онъ даровалъ
тебѣ это безстрастіе. Это—не твое. Только Его
святая сила можетъ держать такъ человѣка.

И. Т. Главное подкрѣпленіе нахожу я въ ча-
стомъ приобщеніи св: Таинъ, въ чтеніи Еванге-
лія, которое, право, иногда отвѣчаетъ на мои мысли
и даетъ вразумленіе. А также прибѣгаю нерѣдко и
къ Вашему «Дневнику». Какія тамъ свѣтлыя, чуд-
ныя мысли! наприм.: «Какъ рѣки текутъ въ море,
такъ души людей къ Богу». Или еще: «Я мыслю
Отцемъ, говорю Словомъ, дышу Духомъ Святымъ».
Какая высота!

О. І. Это не мое, а озареніе свыше. Я чувство-
валъ на себѣ это озареніе, и подъ вліяніемъ его
являвшіяся мысли считалъ грѣхомъ не записы-
вать и не предавать памяти; десятки лѣтъ я велъ
эти записи, и составились цѣлыя книги.

И. Т. Онѣ имѣютъ, Батюшка, какой-то осо-
бый характеръ. Онѣ невольно восторгаютъ чита-
теля и переносятъ его какъ бы въ глубину чистаго
Боговѣдѣнія и свѣта. Не сумѣю я лишь выска-
зать; на мой взглядъ Вы какъ будто разру-
шаете ими средостѣніе между Богомъ и человѣ-

комъ, объединяете ихъ. Наприм.: «Я живу Богомъ, въ Богѣ и съ Богомъ, а Богъ живетъ во мнѣ!» Что же можетъ быть выше этого? Вѣдь это Иоанново Богословіе: «*Богъ вселися въ ны*» и «*отъ исполненія Ею мы вси пріяхомъ благодать воз—благодать*» ¹⁾! Только оборотъ рѣчи другой. Если только смѣю я такъ выразиться, это есть по отношенію ко всему нашему православному ученію—какъ бы продолженіе его, изъясненіе непостижимаго еще, усовершенствованіе недоконченнаго. Вы какъ бы предвкушаете будущую блаженную жизнь Церкви торжествующей, и непостижимость будущей тайны упрощаете до близости и объединенія.

О. І. Понимаю, что ты хочешь сказать. Однако не лишена и ты духовнаго разумѣнія. Дѣйствительно, онъ съ этою цѣлію, для этого и писанъ. Какое средостѣніе между образомъ съ первообразомъ? Это грѣхъ! Но грѣхъ разоренъ Богочеловѣкомъ, завѣса грѣха—раздрана; кто мѣшаетъ, или что преграждаетъ намъ путь!

И. Т. При такой мысли о близости единенія Бога съ человѣкомъ, невольно прихожу къ вопросу: къ чему же такіе наши подвиги, лишенія, труды ради Царствія небеснаго, если оно, какъ и дарующій его Богъ, есть только любовь, миръ и радость? Тысячи древнихъ подвижниковъ сіяли подвигами; и намъ, нынѣшнимъ монахамъ, предписываются подвиги; а между тѣмъ, Богъ, эта вѣчная Любовь, для Своего воцаренія въ сердцѣ человѣка требуетъ лишь любви: «*сыне, даждь Ми сердце твое*» ²⁾, говоритъ Онъ. Подвиги изнуряютъ, убиваютъ, гне-

¹⁾ Иоан. 1, 16.

²⁾ Притч. Сол. 23, 26.

туть; я иногда сравниваю ихъ съ буквою по отношенію къ закону: *«тисьмя убиваетъ, а духъ животворитъ»* ¹⁾.

О. І. Ты смѣшиваешь одно съ другимъ, между тѣмъ какъ всему свое время и мѣсто. Подвиги нужны и необходимы для воспитанія своего внутренняго человѣка, для умерщвленія въ немъ гнѣвдящихся страстей, для выработки себя въ ту *«мѣру возраста исполненія Христова»* ²⁾, когда сдѣлаемся способными принять и носить въ своемъ сердцѣ Царствіе Божіе. Богъ всегда съ нами, у дверей сердца нашего, какъ сказано: *«се стою при дверехъ и толку»* ³⁾; да сердце-то всегда ли способно принять Его? Вотъ и указаны намъ и книгами и примѣрами подвиги, какъ сила вспомогательная для нашего усовершенствованія, чтобы путемъ ихъ очистить свое сердце для принятія внутрь его Царствія Божія, т. е. Самого Христа.

Знаешь ты тропарь св. великомуч. **Теодору Тирону**: *«яко хлѣбъ сладкій Троицѣ принесеса»*? что это значитъ? какъ ты понимаешь эти слова?

Для того, чтобы хлѣбъ былъ сладкій, пріятный, надобно прежде всего хорошенько просѣять муку, очистить ее отъ всякой примѣси, отъ всего негоднаго, чтобы хлѣбъ былъ чистый, вкусный. Такъ и сердце наше, чтобы было пріятною Богу жертвой, надо прежде очистить отъ страстей, въ немъ находящихся, высѣять ихъ; тогда и будетъ оно пріятно.

И. Т. Дорогой Батюшка, какъ понимать заповѣдь о *«добрыхъ дѣлахъ»*? ихъ вѣдь необходимо утаивать?

¹⁾ 2 Коринт. 3, 6.

²⁾ Ефес. 4, 13.

³⁾ Апок. 3, 20.

О. I. А я такъ не такъ это понимаю: «*такъ да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ челоѵпки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего Небснаго*» ¹⁾. Пусть люди видятъ твои добрыя дѣла, и чрезъ то Господа славятъ, и для себя имѣютъ живой примѣръ, живое побужденіе къ дѣланію добра. Вотъ отъ кого надобно скрывать (и при этомъ Батюшка показаль пальцемъ на свое сердце) добрыя дѣла! отъ него утаивай все, «*да не вѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя*» ²⁾. Шуйцей называется свое личное самомнѣніе, тщеславіе.

Какъ извѣстно, Батюшка имѣль обыкновеніе читать канонъ, а вмѣстѣ и сѣдальны на каѵзмахъ и антифоны. Быль 3-й гласъ, и, прочитаѵ антифоны: «*Въ югъ стѵющіи слезами божественными, жнутъ класы радостію присноживотія*», Батюшка, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «Вотъ это тебѣ на утѣшеніе, Таисія, — «сѵющіи слезами радостію пожнутъ въ будущемъ вѣкѣ». Какъ много утѣшенія Господь возвѣщаетъ скорбящимъ и труждающимся Его ради! Помни, что труды для Господа и скорби ради Его — выше всего».

На утрени Еѵангеліе читалось о явленіи Господа Маріи Магдалинѣ. По прочтеніи Еѵангелія, Батюшка обратился ко мнѣ и сказалъ: «Слышала ты, матушка, какъ Господь-то утѣшилъ Марію Магдалину: «*Маріе, что плачеши, кого ищеши?*» ³⁾ Вотъ и тебѣ Онъ говоритъ: «Таисія, что плачеши, кого ищеши?» Ищи, ищи Иисуса, и Онъ предстанеть тебѣ. Много утѣшеній у вѣрующаго! Вотъ, наприм., за

¹⁾ Матѣ. 5, 16.

²⁾ Матѣ. 6, 3.

³⁾ Иоан. 20, 13.

Божественной литургіею бываетъ такое утѣшеніе, озареніе души, откровеніе таинъ!

И. Т. Батюшка, Вы во время литургисанія точно сами переживаете все совершающееся, такъ возноситеъ душею!

О. І. Вѣрно; дѣйствительно, я все совершаемое стараюсь почувствовать душой, переносясь мыслію и всею душею къ совершаемому.

И. Т. Какъ я счастлива, Батюшка, что Вы у насъ совершаете литургію!

О. І. Легко и служить въ твоёмъ соборѣ. Духъ сестеръ пѣвчихъ дышетъ чистотою, усердіемъ, благоговѣніемъ; вообще у тебя хорошія сестры, хорошая обитель, и не оскудѣетъ она милосердіемъ Божиимъ.

Эти слова: «легко здѣсь служить, чудный соборъ», Батюшка сказалъ мнѣ еще и въ алтарѣ, какъ только пріобщился самъ; онъ подошелъ ко мнѣ, и, видимо отъ избытка сердца, сказалъ: «какъ хорошо здѣсь, легко служить! чудный храмъ!» Мнѣ это было тѣмъ болѣе отрадно, что храмъ этотъ отъ первой и до послѣдней копейки строился моими слезными трудами и сборами.

И. Т. Да и быть съ Вами, Батюшка, такъ легко; отъ Васъ, какъ отъ одушевленнаго храма Божія, вѣетъ миромъ, спокойствіемъ и радостію. Съ Вами все забудешь, кромѣ Бога. Да еще умоляю Васъ, напишите мнѣ хотя словечко, когда Вамъ Господь внушитъ. Не забудьте меня грѣшную, вѣдь я Ваша дочь духовная; не оставьте, не забудьте меня, родной мой.

О. І. Вотъ какъ я тебѣ скажу на это: Господь сказалъ чрезъ пророка: «Если и забудетъ сихъ жезла

(мать), *Азъ не забуду тебе*». И я по силамъ буду помнить тебя и сестеръ твоихъ.

Однажды Батюшка сидѣлъ углубленный въ свои мысли; а я думала о немъ: «Господи, что это за человѣкъ?» и т. п. Вдругъ онъ обратился ко мнѣ, устремилъ на меня свои полные кротости и мира глаза и говорить: «пытай!» Я, въ свою очередь, не смутилась этимъ, ибо не новостью было для меня то, что онъ отвѣчаетъ на мысли, и сказала ему, тоже глядя ему въ глаза прямо: «Я не пытаю, Батюшка; могу смотрѣть въ глаза Вамъ прямо, потому что не фальшивлю передъ Вами; но не задуматься о Васъ не можетъ человѣкъ мыслящій и имѣющій духовное настроеніе жизни; вотъ и я часто о Васъ думаю, Батюшка: что Вы за человѣкъ? и чѣмъ все это кончится?»

О. І. Ишь ты, куда заглядываешь: «чѣмъ кончится?» Начало и конецъ—милость Божія. Смотри и суди по плодамъ, какъ указано въ Евангеліи: «*отъ плодъ ихъ познаете ихъ*»¹⁾). И въ себѣ ищи плодовъ, и въ тебѣ они будутъ и быть должны. Помни, между тѣмъ, что миръ отъ Бога; врагъ не можетъ дать мира душевнаго; его дѣло—смущать, а не умирать.

И. Т. Батюшка, я хотѣла бы и еще Васъ спросить: вотъ я все стараюсь отдаляться отъ своихъ родныхъ; рѣдко, очень рѣдко пишу имъ; вотъ уже 14 лѣтъ, какъ не была у нихъ; они все зовутъ, все стараются сблизиться со мною; и другіе меня уговариваютъ, что и грѣхъ, будто бы, оставляютъ своихъ; если и постороннимъ дѣлаешь добро, то своимъ и

¹⁾ Матѳ. 7, 16.

подавно надобно. А я все стараюсь отдаляться отъ нихъ; вѣдь сказано: «врази чловѣку домашній его» ¹⁾; да и что у насъ общаго? они только отвлекутъ меня отъ моихъ обязанностей; да я и боюсь, грѣха съ ними много. Какъ вашъ взглядъ на это?

О. І. И прекрасно дѣлаешь! остерегайся, отдаляйся отъ нихъ. Помни: «нельзя служить двумъ господамъ» ²⁾. У тебя теперь другіе родные—твои сестры о Христѣ, ты за нихъ отвѣтишь передъ Богомъ; а родныхъ разъ уже оставила, «не озирайся вспять». Нѣтъ сильнѣе войны духовному чловѣку, какъ съ родными его: «врази чловѣку домашній его». Такъ было при Христѣ, такъ и теперь, такъ и всегда будетъ.

Однажды я исповѣдывалась у Батюшки, говоря по порядку заповѣди. Выслушавъ, онъ сказалъ:

О. І. Все это грѣхи какъ бы неизбѣжные, всеневные, въ коихъ мы должны непрестанно каяться мысленно и исправляться. А вотъ ты мнѣ что скажи: каково твое сердце, нѣтъ ли въ немъ чего грѣховнаго: злобы, вражды, неприязни, ненависти, зависти, лести, мстительности, подозрительности, мнительности, недоброжелательства? Вотъ ядъ, отъ котораго да избавить насъ Господь! Вотъ что важно!

Я отвѣчала, что не ощущаю въ себѣ ни злобы, ни вражды, ни мести, ничего подобнаго, а только могу обвинить себя въ подозрительности, или вѣрнѣе въ недовѣріи къ людямъ, образовав-

¹⁾ Матѣ. 10, 36.

²⁾ Матѣ. 6, 34.

пемся во мнѣ вслѣдствіе многихъ людскихъ несправедливостей и неправдъ.

Батюшка отвѣчалъ:

О. І. И въ этомъ не оправдишься; помни: «любы не мыслить зла» и «доброе око не узритъ зла» ¹⁾ даже и тамъ, гдѣ оно есть. Покрывай все любовью, не останавливайся на земной грязи, достигай совершенства любви Христовой; впрочемъ, и «Христосъ не вдаяше Себе въ вѣру ихъ, зане Симъ вѣдаяше вся» ²⁾.

И. Т. Батюшка, какъ же довѣрять и вѣрить вполнѣ людямъ, когда такъ много отъ нихъ приходилось терпѣть незаслуженно, безвинно? иногда, изъ предосторожности для будущаго, относишься недовѣрчиво и подозрительно.

О. І. Зачѣмъ намъ заглядывать въ будущее?— «довлѣтъ днєви злоба еѣо» ³⁾. Предадимся, какъ дѣти, Отцу нашему Небесному, «Онъ не оставитъ насъ искутитися паче, нежели можемъ» ⁴⁾. Подозрительностью лишь себя измучишь, да и дѣлу не поможешь, еще повредишь, заранѣе представивъ себѣ зло тамъ, гдѣ, можетъ быть, его и не будетъ. Лишь бы мы не дѣлали зла, а намъ пусть дѣлають, если попуститъ Господь.

Однажды я сказала Батюшкѣ, что иногда подвергаюсь сильнѣйшему духовному искушенію, которое изобразить словомъ не могу; это какъ бы уныніе, но въ самой ужасной степени, едва не отчаяніе,—точно туча черная нависнетъ надъ головою, и точно нѣтъ изъ-подъ нея выхода;

¹⁾ 1 Коринѣ. 13, 5.

²⁾ Іоан. 2, 34.

³⁾ Матѣ. 6, 34.

⁴⁾ 1 Коринѣ. 10, 13.

все представляется такъ мрачно, такъ тяжело на дунгъ, что я называю это искушеніе «адскимъ», и если бы оно было продолжительно, то причинило бы смерть или изступленіе.

Батюшка отвѣчалъ:

О. І. Это искушеніе попускается болѣе сильнымъ, болѣе опытнымъ въ духовной брани. Его наносить тебѣ врагъ, потому что видитъ, что подвиги твои подходятъ къ концу, что тебѣ готовится воздаяніе на небѣ, и хочетъ сильнымъ толчкомъ сразить тебя и лишить тебя вѣнца. Многихъ онъ губить уныніемъ. Крѣпись и мужайся, борись противъ козней врага, не поддавайся. Неси со смиреніемъ и въ терпѣніи и этотъ крестъ. Считай, что онъ посланъ тебѣ для твоего смиренія, и Господь поможетъ тебѣ. Чья храмина души основана на камнѣ, ту никакіе вѣтры вражійхъ искушеній, никакія бури не поколеблуть, ибо твердо основаніе ея; а у кого нѣтъ въ основаніи камня, Христа, и основана душевная храмина его на пескѣ, та легко разрушается и малѣйшею бурей. Восходи по лѣстницѣ духовной вверхъ, а не внизъ. Возвышайся духомъ, возвышайся умомъ. Ты призвана пасти свое малое стадо дѣвственницъ, избранныхъ Господомъ на житіе иноческое; не считай это дѣло маловажнымъ или меньшимъ тѣхъ добродѣтелей и подвиговъ, какіе ты могла бы понести въ уединеніи, спасая лишь свою душу. Ты теперь не имѣешь покоя ради служенія ближнимъ; твои труды, заботы и скорби—скорби и страданія мученицы; ибо ты распинаешься за всѣхъ по любви къ Богу и ближнимъ а что выше этого?

На слѣдующее утро, когда мы съ Батюшкою

пошли въ храмъ, въ которомъ престоль мраморный, Батюшка вдругъ, указывая на него, спросилъ меня: «это какой престоль?» Я съ удивленіемъ посмотрѣла на него и отвѣчала: «мраморный». Онъ продолжалъ: «слѣдовательно, каменный; да будетъ же твое сердце, какъ этотъ камень,—мужайся!»

И. Т. Иногда, Батюшка, готовишься къ принятію св. Таинъ, а ночью совсѣмъ не можешь бодрствовать; или отъ дневныхъ трудовъ утомишься до крайности, или отъ чего-либо другого, но такъ и клонить ко сну; потомъ и смущаешься этимъ въ церкви.

О. І. Неужели ты думаешь, что наше неспаніе или какіе-либо подвиги сильны и достаточны дать намъ дерзновеніе передъ св. Чашею? Помнишь разбойника?—Одинъ вздохъ искренняго раскаянія, одна вѣра въ заслуги Распятаго,—вотъ наше оправданіе, а не мнимые наши подвиги. Конечно, надо и подвизаться, но не съ тѣмъ, чтобы въ этихъ подвигахъ видѣть и полагать свое оправданіе и достоинство. «Сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничтожитъ»¹⁾.

Я многократно просила Батюшку принять нашъ монастырь подъ его духовное водительство, его покровъ, отнюдь не разумѣя тутъ какой-либо матеріальной помощи, о чемъ рѣшительно никогда не беспокоила Батюшку, а просила исключительно его духовнаго благодатнаго наблюденія надъ нашей обителью, вѣруя и по опыту зная, что ему Господь открываетъ состояніе сердець человѣческихъ.

Батюшка отвѣчалъ:

О. І. Много ты мнѣ, матушка, приписываешь,

¹⁾ Псал. 50, 19.

слишкомъ высоко обо мнѣ думаешь; если я что и имѣю, то лишь по благодати Божіей. Конечно, «*вся возможна сунтъ въфуоцимъ*»¹⁾). По вѣрѣ твоей, если будетъ на то Его святая воля, не отказываюсь содѣйствовать вамъ въ дѣлѣ спасенія, буду, какъ уже и говорилъ, молиться за васъ; и самъ я люблю вашу обитель.

Этотъ нашъ разговоръ происходилъ во время пребыванія Батюшки въ нашей обители. Дня черезъ два или три послѣ сего, поѣхали мы съ Батюшкою кататься и, по обычаю, прежде всего въ «Пустыньку». Когда Батюшка располагалъ тамъ уединиться для молитвы или для отдыха, онъ приказывалъ запретъ входныя ворота оградки, чтобы никто не входилъ, не беспокоилъ его. На этотъ разъ онъ распорядился такъ же. Не лишнее здѣсь пояснить, что все мѣсто, огражденное здѣсь деревяннымъ заборомъ (скитокъ «Пустынька»), представляетъ собою ровный квадратъ, посрединѣ котораго расположенъ одноэтажный деревянный домъ, на восточной половинѣ коего—храмъ во имя св. Ап. Иоанна Богослова. Съ этой стороны отъ ограды до храма—жельи сестеръ, а по ту сторону церковнаго домика—садикъ съ аллеями, гдѣ и любилъ всегда прохаживаться о. Иоаннъ, совершая свои тайныя молитвы.

Изъ предосторожности, чтобы кто не побезпокоилъ его, я, во время такихъ его прогулокъ, всегда почти сидѣла на ступенькахъ крыльца и, если Батюшкѣ было что-либо нужно, онъ обращался ко мнѣ. Въ описываемый мною случай, Батюшка не долго погулялъ по садику, но видимо онъ молился, нерѣдко останавливался, скрестивъ на груди

¹⁾ Марк. 9, 23.

руки и устремивъ взоръ на небо. Затѣмъ быстрымъ движеніемъ подошелъ къ стоявшему на одной аллеѣ стулу и потащилъ его за собою къ алтарной стѣнѣ съ юго-востока. Я, отъ неожиданности такого поступка, растерялась, не успѣла да и не посмѣла помочь ему; смотрю—Батюшка уже и второй стулъ тащить за собой подобно первому; я поспѣшила къ нему, но онъ уже поставилъ его рядомъ съ первымъ и говорить мнѣ: «садись, я почитаю тебѣ». Съ этими словами онъ досталъ изъ кармана довольно большую книгу, открылъ ее, гдѣ было заложено, и сталъ читать. Расскажу вкратцѣ прочитанную исторію: въ Кіево-Печерской лаврѣ, основателемъ коей, какъ извѣстно, былъ преп. Антоній, одинъ изъ старцевъ, занимавшій высокій постъ и пользовавшійся всеобщимъ почтеніемъ, скончался. Авва, т. е. настоятель, особенно сокрушался о немъ, такъ какъ имѣлъ въ немъ себѣ ближайшаго и вѣрнаго помощника по управленію. Къ немалому его огорченію, усопшій въ первый же день своей кончины такъ разложился, что невозможно было ни читать по немъ Евангелія, ни пѣть панихиды, не только у гроба, но даже и въ сосѣдней кельѣ; зловоніе наполнило всю (тогда еще небольшую) обитель, и всѣ считали это за наказаніе Божіе. Когда авва въ полночь стоялъ на своемъ правилѣ и молился о упокоеніи новопреставленнаго, онъ услышалъ отъ иконы Спасителя гласъ, возвѣщавшій ему о томъ, что почившій имѣлъ многіе тайные грѣхи, не раскаявшись въ которыхъ и умеръ, поэтому не можетъ быть помилованъ отъ Правосудія Божія. На утро авва собралъ всю братію, объявилъ имъ извѣщеніе Спасителя о старцѣ и предложилъ всѣмъ

въ теченіи сорока дней особенно усиленно молиться за него и поститься. Всѣ съ усердіемъ стали подвизаться за душу собрата. На 40-й день авва, опять въ полунощной молитвѣ предъ тою же иконою Спасителя, слышитъ гласъ: «Не ради вашихъ постовъ и молитвъ за связаннаго грѣхами брата, а ради раба Моего Антонія, молившаго Меня еще на землѣ, да не погибнуть души подвизающихся въ сей обители, созданной имъ, Я прощаю усопшаго имярекъ». Прочитавъ это повѣствованіе, Батюшка сложилъ книгу, спряталъ ее въ боковой карманъ своего подрясника и, быстро вставъ, сказалъ: «Ну, поѣдемъ, матушка!» И мы тотчасъ же тронулись. Долго сидѣли мы оба молча; зная, что Батюшка никогда и ничего не дѣлаетъ безъ цѣли, я раздумывала, чѣмъ бы объяснить этотъ его поступокъ. Наконецъ Батюшка началъ самъ: «Что жъ ты, матушка, призадумалась?»

И. Т. Да какъ не призадуматься, Батюшка! вѣдь Вы мнѣ словно загадку задали. Вѣдь я понимаю, что Вы не безъ цѣли это мнѣ прочитали, такъ вотъ и хочу додуматься, найти эту цѣль; а можетъ быть, Вы сами мнѣ скажете?

О. І. Нѣтъ: если нужно, Господь откроетъ тебѣ; а самъ я ничего не скажу.

И. Т. Я пришла только къ одному заключенію, а иного никакого мнѣ на умъ не приходитъ: какъ преп. Антоній умолилъ Господа, чтобы всѣ, подвизавшіеся въ его обители, не были отринуты Имъ, а спаслись,—такъ и Вашими св. молитвами Господь спасетъ всѣхъ живущихъ въ этой обители. Объ этомъ вѣдь я Васъ и просила на-дняхъ, да и всегда прошу.

О. І. Да, Господь даровалъ мнѣ эту обитель твою, и я вашъ молитвенникъ всегдашній.

Отъ избытка сильныхъ ощущеній, вызванныхъ этимъ событіемъ, я не могла разобраться въ мысляхъ; я сознавала, что сказанное мнѣ Батюшкою послѣ чтенія было дѣломъ слишкомъ большой важности, слишкомъ радостнымъ для меня и для всей обители; я сидѣла, углубившись въ свои мысли, и даже забыла поблагодарить Батюшку за его такой духовный безцѣнный даръ. Наконецъ, я опомнилась и сказала ему: «Батюшка, конечно я бессильна благодарить Васъ, да и какое слово благодарности можетъ соответствовать такому великому дару».

О. І. Богу благодареніе, а не мнѣ недостойному. Помнишь слова Апостола: *«лишше подобаетъ намъ внимати писаннымъ, да не когда отпадемъ!»* ¹⁾

И. Т. Помню, Батюшка, но этотъ текстъ мнѣ не очень знакомъ, а Вы нерѣдко его повторяете; запишите мнѣ его для памяти.

О. І. Не хочется, Таисія, я усталъ. — Но, помолчавъ немного, онъ продолжалъ: «ну, давай, напишу!»

И. Т. Нѣтъ, Батюшка, если устали, такъ зачѣмъ же утруждать себя? я и такъ запомню, или сама запишу.—И я повторила текстъ.

О. І. Давай, давай—напишу! Надо нудить себя; слышишь: *надо нудить себя* на пользу ближнихъ во славу Божію.

Я поняла урокъ для себя. «Спаси Васъ, Господи», отвѣчала я; «да, мнѣ каждое Ваше слово

¹⁾ Евр. 2, 1.

дорого; я внимательно слушаю Ваши рѣчи и послѣ дѣла записываю все, о чемъ говорила съ Вами. Это служить и для меня самой утѣшеніемъ и пользою, да и какъ отрадно прочесть хотя рѣчи Ваши, когда, разставшись съ Вами, скучаешь о Васъ; кромѣ того, думаю, и другимъ полезно слышатъ (т. е. прочитать) Ваши благодатныя бесѣды».

О. І. Что жъ? Можешь давать и другимъ, но прежде дай мнѣ самому просмотрѣть, что ты тамъ записала.

Я показала Батюшкѣ эту самую тетрадку; онъ прочиталъ нѣсколько страничекъ, кое-что поправилъ, и, отдавая мнѣ ее обратно, сказалъ:

О. І. Я просмотрѣлъ бы ее въ болѣе свободное время, тамъ послѣ подашь мнѣ. Хорошо, что ты заминаешь мои слова. «Хвалю васъ, говоритъ Апостоль, яко слово мое помните и преданія моя держите»¹⁾. Значитъ, сѣмя мое падаетъ на добрую землю и приноситъ плодъ, довольный къ насыщенію и другихъ.

И. Т. Мнѣ думается, Батюшка, что разсѣянность, хотя сама по себѣ и не есть особый видъ грѣха, но едва ли не болѣе другихъ грѣховъ мѣшаетъ присутствію благодати Божіей и заглушаетъ ее.

О. І. А развѣ ты не считаешь разсѣянность за грѣхъ? она есть потеря вниманія; о ней и Спаситель упоминалъ, когда говорилъ о сѣмени, падшемъ при пути, и когда сказалъ Апостолу Петру: «Симоне, Симоне, се сатана проситъ васъ, дабы съялъ, яко пшеницу»²⁾ (сѣялъ, т. е. разсѣявалъ).

И. Т. А развѣ это о разсѣянности, Батюшка?

¹⁾ 1 Коринт. 11, 2.

²⁾ Лук. 22, 31.

О. I. Какъ же, о разсѣянности.

Батюшка очень любилъ цвѣты и вообще природу: ему безпрестанно подносили цвѣты или изъ сада, или полевые. Бывало, возьметъ въ ручку розу или піонъ, какіе расцвѣтутъ къ его пріѣзду, и поцѣлуетъ цвѣтокъ, говоря: «Лобызаю Десницу, создавшую тебя столь дивно, столь прекрасно, благоуханно! О, Творецъ, Творецъ! сколь дивенъ Ты и въ самомалѣйшей травкѣ, въ каждомъ лепесткѣ!» Подержитъ, бывало, Батюшка въ рукѣ своей цвѣточекъ и отдастъ кому-нибудь изъ присутствующихъ; и сколько радости получаетъ съ этимъ цвѣточкомъ обладатель его! А Батюшка продолжаетъ восхвалять Творца за Его благодаренія къ людямъ. Подадутъ ли ему ягодъ изъ саду, какія поспѣютъ, онъ говоритъ: «Какой Господь-то, Отецъ нашъ Небесный, милостивый, добрый, щедрый, всеблагой! посмотрите, поймите—Онъ не только даетъ намъ насущное, необходимое пропитаніе, а и услаждаетъ насъ, лакомитъ ягодками, фруктами, и какими разнообразными по вкусу,—одни лучше другихъ! замѣтьте, вотъ у каждаго сорта ягодъ свой вкусъ, своя сладость, свой ароматъ».

Кто-то изъ пріѣзжихъ замѣтилъ при этомъ ему однажды, что нынѣ культура усовершенствована и даетъ лучшіе сорта продуктовъ. Батюшка, не глядя на говорившаго, а продолжая смотрѣть на ягоды, отвѣтилъ: «Культура — культурой, а Творецъ—Творцемъ. На то и данъ человѣку разумъ, чтобы онъ работалъ имъ, воздѣлывалъ, совершенствовалъ, или, какъ нынѣ выражаются, культивировалъ прежде всего самого себя, а затѣмъ и другія творенія Божіи, хотя бы и дерево и плоды и все, что предано

и самоварчики; тутъ же на травѣ разостлана большая простая деревенская (бранная) скатерть, пригнетенная по краямъ камушками, чтобы не поднимало ее вѣтромъ; на ней около сотни чашекъ чайныхъ, сахаръ; подлѣ стоятъ мѣшки съ кренделями (баранками). Какъ только подъѣдетъ Батюшка, пѣвчія сестры грянутъ любимый Батюшкинъ задостойникъ: «Радуйся, Царице». Батюшка идетъ къ приготовленному для него столику, но иногда прежде погуляетъ по покосу, посидитъ на сѣнѣ, побесѣдуетъ съ сѣнокосницами, и затѣмъ начинается чаепитіе. Всѣ собираются къ кипящимъ кубамъ и самоварчикамъ, садятся на траву, и Батюшка самъ раздаетъ имъ изъ мѣшка баранки, многимъ даетъ чай изъ своего стакана и, вообще, старается всѣхъ утѣшить. Когда онъ уѣзжаетъ съ покоса, всѣ бѣгутъ провожать его, пѣвчія поютъ ему «многолѣтіе», пока экипажъ не скроется изъ вида. Вообще, Батюшка любилъ наше пѣніе и ежедневно призывалъ клирошанокъ пѣть, по большей части въ саду, иногда и въ Пустынькѣ, а при дождливой погодѣ и въ кельяхъ. Ежедневно послѣ обѣда подходила къ нему регентша, которой онъ назначалъ, какія пьесы пѣть ему. Иногда онъ слушалъ ихъ молча, сосредоточенно, въ молитвенномъ настроеніи; иногда стоялъ или даже ходилъ среди ихъ и объяснялъ имъ смыслъ поемаго, особенно ирмосовъ; иногда же съ увлеченіемъ самъ пѣлъ съ ними и регентовалъ рукою. Когда случилось намъ съ нимъ кататься по Волгѣ, по его благословенію я брала съ собою на пароходъ отъ 4-хъ до 6-ти пѣвчихъ, которыя пѣли ему на пароходѣ, а также и въ побережныхъ церквахъ, гдѣ онъ останавливался для

совершенія литургіи, безъ чего не могъ провести ни одного дня.

Когда мы съ нимъ катались по нашимъ лѣсамъ и полямъ, онъ всегда благословлялъ поля съ молитвою о ихъ плодоносіи и изобильномъ урожаѣ на пропитаніе обителѣи. Бывало, когда увидитъ, что нѣтъ близко народа, велитъ остановить лошадей, сниметъ съ себя рясу, положитъ на свое мѣсто и пойдетъ немножко пройтись въ полѣ. По дорогамъ между монастыремъ и скитами у насъ поставлено не мало скамеечекъ, такъ какъ по этимъ уединеннымъ дорожкамъ гуляютъ монашенки и садятся и иногда со своимъ рукодѣльемъ, или отдыхаютъ, когда ходятъ въ лѣсъ за ягодами или за грибами. Во время пребыванія у насъ Батюшки, всѣ таковыя скамеечки служили мѣстомъ для богомольцевъ, прибывавшихъ къ Батюшкѣ; зная, что мы съ нимъ ежедневно, иногда и по нѣскольку разъ, проѣзжаемъ тутъ мимо, они поджидали насъ и, завидѣвъ издали экипажъ, тихо, въ полномъ порядкѣ подходили къ Батюшкѣ на благословеніе; иныя дѣвушки подносили ему полевые цвѣты, особенно часто фіалки бѣлыя и лилыя, которыя Батюшка очень любилъ. Такъ однажды, принявъ эти букеты, онъ держалъ въ рукахъ одинъ изъ нихъ и, разсматривая его, сказалъ Евангельское слово:

0. 1. «Ни Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ каждая изъ полевыхъ лилій. Если Отецъ Небесный такъ одѣваетъ цвѣтокъ, который сегодня есть, а завтра брошенъ будетъ въ печь, то не тѣмъ ли болѣе васъ, маловѣрные». Какъ очевидна истина слова Божія: «ищите прежде Царствія Божія и правды Его, а все осталь-

Поѣздка по Волгѣ.

ное приложится вамъ». Это я испытываю на себѣ: съ тѣхъ поръ какъ я началъ усиленно искать и исключительно заботиться о благоугожденіи Господу молитвою и дѣлами милосердія ближнимъ и другими, я почти не имѣю надобности заботиться о себѣ, т. е. о своихъ внѣшнихъ нуждахъ; меня, по милости Божіей, одѣваютъ, обуваютъ, угощаютъ добрые люди и сочтутъ за обиду, если бы я не принялъ ихъ усердія.

Я на это отвѣчала ему: «А если бы Вы знали, Батюшка, какъ пріятно что-либо сдѣлать для Васъ, хотя чѣмъ-нибудь послужить Вамъ! Да и повѣрите ли, Батюшка, что за все, что для Васъ сдѣлаешь, такъ скоро воздается сторицею! я это и на себѣ лично испытала, да и отъ многихъ слышала».

О. І. Вѣрю, и самъ вижу на дѣлѣ; да это и въ порядкѣ вещей; за все воздаетъ намъ Господь, даже за чашу холодной воды, поданную во имя Его.

И. Т. А я въ этомъ отношеніи часто припоминаю слова: «*пріемляй праведника во имя праведниче, мзду праведнику пріемлетъ*» ¹⁾. Я знаю, что это сказано къ Апостоламъ и не въ томъ отношеніи, о какомъ мы теперь говоримъ, а вообще о вѣрѣ и усердіи къ праведникамъ, т. е. къ людямъ, всецѣло отдавшимся Богу.

О. І. А помнишь апостольское слово: «*не обидливъ есть Богъ забыти дѣла вашего и труда любви, яже покажете во имя Его, послуживше святымъ*» ²⁾. Конечно, не святыхъ, на небесахъ живущихъ, надлежитъ раз-

¹⁾ Матѳ. 10, 41.

²⁾ Евр. 6, 10.

умѣть, а служителейъ Его, которые трудятся для Него ради спасенія людей. А строго же Онъ и судить тѣхъ, кто дерзаетъ злословить ихъ, особенно клеветать безвинно! Какъ Онъ чрезъ пророка Захарію говоритъ: «*касайся васъ* (т. е. избранниковъ Божіихъ), *яко касайся зъницы ока Его*» ¹⁾ (Божія). Видишь, Своимъ «окомъ» называетъ ихъ Господь! Да и святые-то какъ любили Господа! не смотря на немощное свое плотское естество, ужасающееся и мысли о мученіяхъ и пыткахъ, ради любви Христовой охотно шли на всякое страданіе и смерть, лишь бы въ вѣчности не быть отринутыми отъ Него. Вотъ, св. Игнатій Богоносецъ и лично просилъ, и писалъ въ своемъ посланіи къ Римлянамъ-христіанамъ, когда они хотѣли освободить его отъ предстоявшей ему мученической смерти: «*не возбраняйте ми*, т. е. не мѣшайте мнѣ придти къ Господу, *хочу быти измолѣнъ*, т. е. измолотъ, *зубами звърей, да буду въ жертву благопріятну Господу моему!*» ²⁾ Вотъ высокая, святая любовь!

Въ 1903 году, въ бытность свою у насъ, о. Протоіерей Іоаннъ совершилъ закладку зимняго Троицкаго храма при громадномъ стеченіи народа, такъ какъ въ этомъ году здѣсь были учительскіе курсы, въ коихъ принимали участіе свыше 70 учительницъ.

Грѣшно было бы умолчать объ одномъ слишкомъ большой важности событіи, совершившемся по молитвамъ о. Іоанна на глазахъ цѣлой деревни и извѣстномъ всей окрестности, о которомъ въ свое время всѣ говорили и писали, а теперь, уже

¹⁾ Захар. 2, 8.

²⁾ Посл. къ Римл.

О. Іоаннъ въ подрясникѣ.

послѣ кончины Батюшки, упоминалъ въ газетахъ случившійся въ то время у насъ въ монастырѣ г-нъ М. А. Гольтисонъ. Это было также въ 1903 г., еще въ началѣ іюня мѣсяца. Во всей здѣшней мѣстности появилась «сибирская язва». Коровы и лошади падали ежедневно по нѣскольку головъ. Со всѣхъ сторонъ были поставлены карантинны, и я съ ужасомъ помышляла о томъ, какъ выѣду за Батюшкой и какъ привезу его въ обитель, ибо всѣмъ приѣзжавшимъ къ намъ на пароходѣ изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей приходилось идти пѣшкомъ всѣ 10 вер. отъ пристани до насъ. Въ монастырѣ собственно скотъ не падалъ, не было никакой эпизоотіи; но изъ него-то, окруженнаго карантинами, никуда нельзя было попасть иначе, какъ пѣшкомъ. Наконецъ необходимо стало рѣшить вопросъ, т. е. или предупредить Батюшку о невозможности посѣтить наше Леушино, или же, презрѣвъ опасность подвергнуть эпизоотіи весь нашъ скотъ, рѣшиться ѣхать; и я, помолившись съ вѣрою, избрала послѣднее. Со всякими предосторожностями, ночью, во избѣжаніе дневного жара, на легкомъ простомъ тарантасѣ въ одну лошадку, я поѣхала на пристань. Версты за 2 до нея, на карантинѣ, мы едва пробрались, и то лишь потому, что всѣ знали, что въ обители пока все еще благополучно. Едва проѣхали эту заставу, какъ на бѣду намъ пересѣкають дорогу двое дрогъ, везущія павшихъ лошадей для закопки ихъ въ отведенномъ мѣстѣ. Ужасъ мой и опасеніе удвоились, и я почти увѣрена была, что должна лишиться своей лошадки. Кое-какъ наконецъ добрались до пристани и, со всѣми предосторожностями, опрыскавъ и окуривъ, убрали лошадь

въ конюшню. Утромъ я отправилась на встрѣчу Батюшкѣ и еще на пароходѣ рассказала ему все. Выслушавъ меня молча, Батюшка всталъ с о своего мѣста и сталъ ходить по трапу парохода и молиться. Черезъ полчаса времени онъ снова сѣлъ подлѣ меня и сказалъ: «Какое сокровище—молитва! Ею все можно выпросить отъ Господа, все получить, всякое благо, побѣдить всякое искушеніе, всякую бѣду, всякое горе». Я уже начинала смекать по этимъ словамъ, что и наша бѣда «сибирская язва» побѣдится его молитвами, что и высказала ему. Батюшка отвѣтилъ: «Что же,—*вся возможна въ-рующимъ!*»¹⁾

Когда пароходъ подошелъ къ пристани «Борки», то на ней уже собралась не одна сотня домохозяевъ и хозяекъ, намѣревавшихся просить Батюшку «помолиться» объ избавленіи ихъ отъ такого тяжелаго наказанія, какъ потеря скота. «Что мы будемъ дѣлать безъ скотинки-то, кормилецъ? вѣдь ни земли не вспахать, ничего,—хоть по міру иди! ужъ и безъ того-то бѣдно, а тутъ еще такая бѣда». — «За грѣхи ваши Господь попустилъ на васъ такую бѣду; вѣдь вы Бога-то забываете; вотъ, напр., праздники намъ даны, чтобы въ церковь сходить, Богу помолиться, а вы пьянствуете; а ужъ при пьянствѣ чего хорошаго, сами знаете!» — «Вѣстимо, Батюшка кормилецъ, чего ужъ въ пьянствѣ хорошаго, одно зло». — «Такъ вы сознаетесь ли, друзья мои, что по грѣхамъ получаете возмездіе?» — «Какъ не сознаваться, кормилецъ! помолись за насъ, за грѣшныхъ!» И всѣ пали въ ноги. Батюшка приказалъ принести

¹⁾ Марк. 9, 23.

ушать и тутъ же изъ рѣки почерпнуть воды; совершивъ краткое водоосвященіе, онъ сказалъ: «Возьмите каждый домохозяинъ себѣ этой воды, покропите ею скотинку и съ Богомъ поѣзжайте, работайте; Господь помиловалъ васъ». Затѣмъ Батюшка вышелъ на берегъ, гдѣ уже стояли наши лошади, которыхъ онъ самъ окропилъ, равно и привезшую меня на пристань лошадку, и мы безбоязненно поѣхали въ обитель. Въ тотъ же день всѣ мужички поѣхали куда кому было надо, всѣ карантинны были сняты, о язвѣ осталось лишь одно воспоминаніе, соединенное съ благоговѣйнымъ удивленіемъ къ великому молитвеннику земли Русской. Хотя у насъ въ обители и не было падежа скота, но мы тѣмъ не менѣе просили Батюшку окропить его и помолиться о сохраненіи его на общую пользу. И безцѣнный нашъ молитвенникъ, совершивъ водоосвященіе, приказалъ проводить мимо его весь рогатый скотъ по одиночкѣ, при чемъ каждого отдѣльно кроплялъ св. водою, также и лошадей.

Вообще Батюшка любилъ животныхъ; въ примѣръ этому могу привести случай, коему и я и всѣ бывшіе на пароходѣ были очевидцами.

Однажды мы съ Батюшкой ѣхали на пароходѣ по Волгѣ вверхъ, противъ теченія, около 5 час. по полудни, въ сѣнокосное время. Всѣ были на трапѣ, гдѣ Батюшка читалъ намъ книгу, а мы окружали его, сидя кто на стульяхъ, кто на скамьяхъ, а кто и на полу. Прекративъ чтеніе, Батюшка обратился къ бывшему тутъ же капитану парохода А. А. М. и сказалъ: «Пойдемъ, другъ, помедленнѣе: чудный вечеръ, а аромать-то какой отъ свѣжаго сѣна,—наслажденіе!» Идя тихимъ ходомъ, мы подходили

къ большой, широко раскинувшейся по берегу Волги, деревнѣ; а на противоположномъ берегу находился покосъ, гдѣ еще убирали сѣно: иные метали стоги, иные накладывали его на возъ, чтобы увезти чрезъ рѣку въ деревню на паромѣ, стоявшемъ у того берега. Вдругъ одна лошадь съ огромнымъ возомъ сѣна, скативши его на паромъ, не могла остановиться и ринулась прямо въ воду, увлекая за собою и возъ и державшаго ее хозяина-крестьянина. На паромѣ произошелъ невообразимый переполохъ; и лошадь и сѣно были обречены на вѣрную гибель. Крестьянинъ, бросивъ вожжи въ рѣку, моментально сѣлъ въ лодочку и направился по теченію, куда должно было нести и лошадь съ возомъ. Нашъ пароходъ совсѣмъ остановился; въ ужасѣ мы всѣ смотрѣли на погибающее, какъ мы думали, животное. Но что же вышло? Батюшка, стоявшій у самага борта на трапѣ, все время крестился, молился, произнося вслухъ: «Господи, пощади созданіе Твое, ни въ чемъ неповинную лошадку! Господи, Ты создалъ ее на службу человѣку: не погуби, пощади, всеблагій Творецъ!» и т. п. Онъ часто изображалъ крестное знаменіе въ воздухѣ по направленію къ лошади, которая плыла съ возомъ, какъ будто шла по дну. Когда она доплыла до самой середины рѣки, гдѣ очень глубоко,—просто сердце замерло, глядя на нее: вотъ-вотъ, думаешь, скроется подъ водою; но она продолжала плыть и вотъ уже была недалеко отъ другого берега. Крестьянинъ, плывшій за нею въ лодкѣ, тоже подплывалъ къ берегу; онъ подобралъ волочившіяся по водѣ вожжи, опередилъ лодкадь и помогъ ей поднять возъ на берегъ. Изъ селенія прибѣжали другіе мужички и общими силами стали

помогать потерпѣвшему. Сначала выпрягли лошадь, и она, почувствовавъ себя внѣ опасности, стала стряхиваться, кататься, т. е. валяться по травѣ, и потомъ бодро встала на ноги. Сѣно подмокло, но и то не до самого верха, хотя намъ и казалось, что уже только верхушка его не въ водѣ. Такъ какъ это было у всѣхъ на глазахъ, и всѣ видѣли, какъ о. Іоаннъ молился о спасеніи животнаго, то много народа собралось на берегу, во главѣ съ хозяиномъ лошади, чтобы благодарить дорогого молитвенника и общаго отца-печальника; но онъ, избѣгая этого, тотчасъ же приказалъ капитану парохода идти дальше.

Много, весьма много назидательнаго и отраднаго удостоилъ меня Господь видѣть и слышать во время моего пребыванія съ о. Іоанномъ. Онъ имѣлъ удивительный навыкъ и самомагійшіе случаи, повидимому и незамѣтные, заурядные, не стоящіе и вниманія, обращать въ полезное назиданіе окружающимъ. Вотъ примѣръ. Всѣ мы однажды были съ нимъ на трапѣ парохода, гдѣ, по обыкновенію, Батюшка намъ читалъ. Окончивъ чтеніе, онъ сидѣлъ молча, приказавъ лишь убрать столикъ, на которомъ лежали книги. Былъ сильный вѣтеръ; опасаясь, чтобы онъ не спихнулъ книги въ рѣку, я стала собирать книги, чтобы снести ихъ въ каюту. Батюшка, пристально смотрѣвшій на полъ, окликнулъ меня и говоритъ: «Матушка, смотри, какъ бьется бѣдная муха! видишь, вотъ, вотъ она! пришибло ее бѣдную къ полу, не можетъ подняться, а все-таки не теряетъ надежды, борется съ вѣтромъ: онъ ее относитъ назадъ, а она опять поползетъ; экая вѣдь умница! Вотъ такъ

и врагъ-діаволь бореть душу, относитъ ее какъ вихрь отъ пути спасительнаго, коимъ она идетъ, а она борется, не уступаетъ ему. Вотъ и муха насъ учитъ, урокъ намъ даетъ».

Бывало, любитъся на закатъ солнца въ ясный лѣтній вечеръ и скажетъ: «Какъ дивенъ Творецъ въ Своемъ твореніи! Смотри хотя бы на это солнышко, какая дивная красота! А если твореніе такъ величественно, то что же Самъ Творецъ, каковъ Онъ-то!»

Да и не исчислеть такихъ и подобныхъ бесѣдъ и отрывочныхъ фразъ Батюшки, которыми онъ услаждалъ дужь своихъ спутниковъ. О томъ, сколько на глазахъ нашихъ совершилось исцѣленій, поразительныхъ, разнообразныхъ, я не стану описывать, потому что они и безчисленны и всѣмъ извѣстны; но не менѣе достойно передать памяти и случаи, говорящіе о его пронизательности и предвѣдѣніи и вообще о близости его къ міру духовному. Онъ, во время своей тайной молитвы, какъ бы созерцалъ Бога предъ очами и бесѣдовалъ съ Нимъ, какъ съ близкимъ къ себѣ существомъ. Онъ какъ бы вопрошалъ Бога и получалъ отъ Него извѣщенія. Примеръ сего могу привести слѣдующій.

Однажды Батюшка сидѣлъ на трапѣ парохода одинъ, читая свое дорожное маленькое Евангеліе, которое держалъ въ рукахъ. Я тоже была на трапѣ, но далеко отъ него. Вдругъ Батюшка, увидѣвъ меня, сдѣлалъ знакъ рукою, чтобы я подошла къ нему, что, конечно, я охотно исполнила. «Послушай, матушка», обратился онъ ко мнѣ, усаживая меня подлѣ себя, «какой неправильный переводъ: *«азъ рхъ во изступленіи моемъ»*¹⁾ переведено: «я сказалъ въ без-

¹⁾ Псал. 115. 2.

О. Іоаннъ на борту парохода.

уміи моемъ»—вѣдь это совсѣмъ не то?» Я отвѣтила, что надлежало перевести: «я сказалъ въ восхищеніи, въ восторгѣ чувствъ», съ чѣмъ и дальнѣйшія слова согласуются: «что воздамъ Господеву о встѣхъ, яже воздаде ми». Батюшка одобрилъ мои слова и, опустивъ книжечку, сидѣлъ молча.

Пользуясь его спокойнымъ настроеніемъ и досужными минутами, я рѣшилась высказать ему свои тревожныя мысли о загробной участи моей матери, которая, будучи вполне религіозной христіанкой, въ то же время сильно противилась моему уходу въ монастырь и не хотѣла дать мнѣ на это своего благословенія. Меня тревожила мысль—не вмѣнитъ ли ей Господь во грѣхъ это ея упорство. И вотъ я, въ описанную минуту, спросила о семъ Батюшку. Онъ сказалъ мнѣ: «молись за нее» и, продолжая сидѣть неподвижно съ Евангеліемъ въ рукахъ, сосредоточенно смотрѣлъ куда-то вдаль. Я уже болѣе не повторяла вопроса, и мы сидѣли съ нимъ молча около $\frac{1}{4}$ часа. Вдругъ Батюшка, обернувшись ко мнѣ, произнесъ твердо: «она помилована!» Я никакъ не дерзала понять эти слова, какъ отвѣтъ на мой вопросъ, считая его уже поконченнымъ, и, въ недоумѣніи взглянувъ на Батюшку, спросила: «кто помилована? о комъ Вы это сказали?»—«Да ты о о комъ спрашивала меня? о своей матери?» возразилъ онъ: «ну, такъ вотъ я и говорю тебѣ, что она помилована».—«Батюшка, дорогой», продолжала я, «вы говорите, какъ получившій извѣщеніе свыше».—«А то какъ же иначе? вѣдь о подобныхъ вещахъ нельзя говорить безъ извѣщенія,—этимъ не шутятъ».

Могу привести примѣры не только проница-

тельности Батюшки, но и того, что онъ именемъ Божиимъ властно запрещалъ бѣсамъ, козни которыхъ онъ, очевидно, видѣлъ; приведу лишь немногіе изъ нихъ. Однажды мнѣ довелось ѣхать съ Батюшкою по Балтійской ж. д., только вдвоемъ съ нимъ, въ отдѣльномъ купѣ. Мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ наединѣ о какомъ-то нужномъ дѣлѣ. Началась бесѣда сердечная, духовная, откровенная. Вдругъ Батюшка порывисто, быстро поднялся на ноги (не отходя отъ мѣста, гдѣ сидѣлъ) и, поднявъ правую руку вверхъ, потрясъ ею въ воздухѣ, какъ бы грозя кому-то, и, устремивъ взоръ вдаль прямо (не въ сторону), громко произнесъ: «да запретить вамъ Господь Богъ!» Сказавъ эти слова, онъ перекрестился, сѣлъ на свое мѣсто и съ обычной своей кроткой улыбкой посмотрѣлъ на меня и, положивъ свою руку на мое плечо, произнесъ: «Что, матушка, ты не испугалась ли?»—«Испугалась, Батюшка», отвѣчала я, «но я сряду же поняла, что Вы запрещали бѣсамъ; неужели Вы ихъ видите?»—«Да, матушка, да! но что объ этомъ говорить? лучше продолжимъ нашу сладкую бесѣду». Такимъ образомъ въ этой бесѣдѣ мы доѣхали до Ораніенбаума; Батюшка направился на пароходъ, идущій въ Кронштадтъ, а я съ тѣмъ же поѣздомъ, не выходя изъ вагона, вернулась въ Петербургъ, утѣшенная и ободренная бесѣдою съ великимъ человекомъ, имѣющимъ «власть на духовъ злобы поднебесныхъ».

Второй подобный сему случай могу привести слѣдующій. Въ день храмового нашей подворской церкви праздника св. Ап. Іоанна Богослова всегда служилъ у насъ Батюшка; для этого онъ пріѣзжалъ

наканунѣ ко всенощной, выходилъ на величаніе, самъ читалъ акаѳистъ и канонъ. Затѣмъ оставался у насъ ночевать и въ самый праздникъ совершалъ соборнѣ съ другими священниками позднюю литургію въ 10 часовъ. Вставалъ онъ всегда рано, иногда часа въ 4 или 5, писалъ проповѣдь или свои замѣтки, а часовъ около 7—8 ѣхалъ освѣжиться на воздухъ, при чемъ бралъ всегда съ собою меня. Ъздили мы обычно на острова, гдѣ поутру бываетъ всегда пусто, уединенно, что, при чистомъ свѣжемъ воздухѣ, дѣйствительно составляло отдыхъ и отраду пастырю, окруженному въ теченіи цѣлаго дня людьми и суетою. Эти часы Батюшка употреблялъ для тайной созерцательной молитвы, и я, зная это, никогда не нарушала ее никакими разговорами, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ самъ заговорить со мною. Однажды ѣхали мы по Николаевскому мосту, откуда заранѣе кучеру приказано было повернуть по набережной налево. Когда карета наша поровнялась съ часовнею на мосту, мимо вдоль набережной, съ лѣвой стороны, везли покойника; дроги съ гробомъ везла одна лошадь, а провожавшихъ было не болѣе 8 или 10 человекъ, почему каждый изъ нихъ былъ ясно видимъ. Батюшка вдругъ измѣнился въ лицѣ; онъ пристально глядѣлъ на погребальное шествіе и, такъ какъ оно шло по набережной параллельно съ нашей каретой съ моею (лѣвой) стороны, то ему приходилось наклоняться на мою сторону, при чемъ я не могла не видѣть перемѣны въ лицѣ его. Наконецъ, шествіе свернуло на 1-ю линію; а Батюшка, нѣсколько успокоившись, сталъ креститься. Потомъ, обращаясь ко мнѣ, произнесъ: «какъ

страшно умирать пьяницамъ!» Предположивъ, что Батюшка говоритъ о покойномъ потому, что узналъ провожающихъ его гробъ,—я спросила: «а вы знаете его, Батюшка?» Онъ отвѣтилъ мнѣ: «такъ же, какъ и ты». Все еще не понимая ничего, я пояснила ему свое предположеніе, прибавивъ, что я никого изъ провожающихъ не знаю. «И я тоже», сказалъ онъ, «но вижу бѣсовъ, радующихся о гибели души пьяницы».

Не могу умолчать о времени пребыванія этого праведника у насъ въ обители въ минувшемъ 1908 г. Это было уже послѣднее его посѣщеніе; онъ былъ уже очень слабъ, почти ничего не могъ кушать, мало разговаривалъ, все больше читалъ, уединялся, но служилъ ежедневно въ соборномъ храмѣ, который онъ всегда такъ хвалилъ и о которомъ говорилъ неоднократно, что ему легко въ немъ служить, о чемъ я уже упоминала. Пробылъ онъ у насъ въ обители 9 дней, и въ день отъѣзда спросилъ меня: «сколько дней я пробылъ у васъ, матушка?» Когда я отвѣтила, то онъ продолжалъ: «девятинны справилъ по себѣ, уже больше не бывать мнѣ у тебя. Спасибо тебѣ, спасибо за все твое усердіе, за любовь, за все!» Сестры провожали его, какъ и обычно, съ пѣніемъ и со слезами,—всѣмъ было ясно, что безцѣнный свѣтильникъ догораетъ. Когда мы съ нимъ выѣхали изъ обители и, миновавъ деревню Леушино, свернули налево въ поля, Батюшка сталъ все оборачиваться назадъ и глядѣлъ на обитель. Предполагая, что онъ забылъ что-нибудь или хочетъ сказать вѣдущимъ позади насъ, я спросила его объ этомъ; но онъ отвѣчалъ: «любуюсь еще разъ на твою обитель: тихая, святая обитель! да хранить ее Господь;

поистинѣ съ вами Богъ!» Теперь эти чудныя, отрадныя слова служатъ намъ великимъ, высокимъ утѣшеніемъ. Съ пристани «Борки» мы поѣхали на пароходѣ къ Рыбинску и внизъ по Волгѣ на далекую Каму, куда приглашали Батюшку. Съ нами было 5 сестеръ-пѣвчихъ, которыя по распоряженію Батюшки отправляли на пароходѣ Богослуженія и въ теченіи дня пѣли ему по его желанію. Это оставалось уже единственнымъ утѣшеніемъ изъ обычнаго препровожденія времени на пароходѣ. Наканунѣ того дня, когда мы должны были разстаться съ Батюшкою, онъ попросилъ сестеръ-пѣвчихъ пропѣть всѣ №№ Херувимскихъ пѣсней, которыя онъ знаетъ. Таковыхъ набралось очень много (такъ какъ ноты были съ собою), и сестры, ставъ подлѣ Батюшки, начали пѣть. Когда дошла очередь до «Симоновской» Херувимской, Батюшка сказалъ: «это моя любимая пѣснь, я самъ ее пѣлъ, еще будучи мальчикомъ», и попросилъ ее повторить. Затѣмъ пропѣли по назначенію же Батюшки: «О тебѣ радуется» и «Высшую небесъ». Батюшка во все время пѣнія сидѣлъ въ креслѣ у борта парохода, закутанный въ теплую рясу, и, сидя, регентовалъ правой рукой своей и подпѣвалъ. Когда пропѣли «Высшую небесъ», онъ замѣтилъ: «это хорошо, но уже новый напѣвъ, а я пѣвалъ иначе», и онъ своимъ мелодичнымъ, но уже старческимъ, дрожащимъ голосомъ пропѣлъ всю эту пѣснь до конца, т. е. до «во еже спастися намъ». Всѣ прослезились, да и могло ли быть иначе? Пропѣвъ, Батюшка всталъ и, обратясь къ пѣвчимъ, произнесъ: «ну, дай Богъ и намъ всѣмъ спастися! Спасибо вамъ, сестры, за ваше прекрасное сладкопѣніе, которымъ вы и всегда утѣшали меня».

На слѣдующій день мы съ Батюшкой разстались; это было 6-го іюля 1908-го года.

Заканчивая эти записи бесѣдъ моихъ съ незабвеннымъ Батюшкою о. Іоанномъ, я считаю нелишнимъ прибавить: 1) Цѣль изданія настоящихъ записей — единственно подѣлиться съ вѣрующими людьми этимъ духовнымъ сокровищемъ, такъ какъ и они могутъ почерпнуть изъ нихъ не мало назидательнаго. Я здѣсь открывала передъ Батюшкой свою душу, что не стѣснилась передать и читателямъ; но вѣдь и они — люди, на землѣ живущіе и также обложенные немощами, потому будутъ снисходительны и къ моимъ недостаткамъ. 2) Прошу вѣрить всему здѣсь написанному, принимая во вниманіе, что у меня не могло быть никакихъ побужденій говорить неправду на усопшаго, уже предстоящаго лицу Божію. Если бы я написала это при жизни его, то еще можно бы заподозрить меня, какъ сторонницу и почитательницу Батюшки; но и это было бы не сообразно съ моими воззрѣніями, ибо я не могу не понимать важности даннаго вопроса и въ мои преклонныя годы это было бы непростительно. Мнѣ уже 70 лѣтъ, я готовлюсь послѣдовать за Батюшкой въ вѣчность.

О, дорогой Батюшка! какъ много утѣшалъ ты меня при жизни, услаждалъ мнѣ горечь житейскаго моря! но и по отшествіи твоёмъ не мало сладкихъ воспоминаній оставилъ ты мнѣ.

Двѣ хоругви Леушинскаго монастыря, сдѣланныя по указаніямъ о. Іоанна Кронштадтскаго, на основаніи бывшаго ему видѣнія.

Изображенія хоругвей были положены на рисунокъ игуменію Таисіею согласно указаніямъ о. Іоанна и затѣмъ разработаны золотошвейками. Всѣ узоры, видимые вверху хоругвей, и самыя колонны: по обѣимъ краямъ ихъ выполнены мелкими простыми камешками, перевитыми золотомъ. На одной хоругви, вмѣсто образа, написанъ текстъ изъ Апокалипсиса.

Малый скитъ «Пустынька» или «Крестикъ» съ церковью во имя св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова.

Названіе «Пустынька» или «Крестикъ» носить небольшой скитокъ съ церковью св. Апостола Іоанна Богослова. Второе наименованіе его «Крестикъ» можетъ показаться несоотвѣтствующимъ названію скита; но и самое происхожденіе его нѣсколько необычное и тѣсно связано съ именемъ досточтимого пастыря, о. Протоіерея Іоанна Кронштадтскаго, для котораго это было излюбленное мѣстечко.

Въ 1892 году, на обратномъ пути съ родины, онъ посѣтилъ нашу обитель 15-го іюня, предполагая погостить въ ней нѣсколько дней. Конечно, все пустынное гостепріимство обители было направлено къ успокоенію высокаго гостя; но чѣмъ могла она выразить свое радушіе? Между прочимъ, я предложила Батюшкѣ покататься по полямъ и лѣсамъ монастырскимъ и благословить ихъ, на что онъ охотно согласился. Въ то время обитель еще не имѣла рессорныхъ экипажей, не держала и кучера, обязанность котораго исполняла одна изъ сестеръ. Долго ѣхали мы по лѣсу и не замѣтили, какъ колесная дорога стала прекращаться, смѣняясь одной

лишь тропинкой для пѣшеходовъ. Сестра, правившая лошадью, обратила на это наше вниманіе, сказавъ, что ѣхать дальше опасно — можно заѣхать въ такую чащу, что нельзя будетъ поворота сдѣлать, что и теперь для того, чтобы повернуть, намъ придется сойти съ тарантаса и подождать, пока она повернетъ, выбравъ для сего болѣе удобное мѣсто.

Мы тотчасъ же вышли, и Батюшка сказалъ мнѣ: «поищемъ пока мы съ тобой землянички». На это я отвѣтила: «какая земляничка, Батюшка, въ такую пору! у насъ она на Петровъ день рѣдко поспѣваетъ, да еще въ такой глуши: тутъ только сосны да мохъ». Батюшка ничего не отвѣтилъ, а самъ наклонился, какъ бы ища чего на землѣ. Черезъ нѣсколько минутъ монахиня, повернувъ лошадь, подѣхала къ этому мѣсту, а Батюшка подходилъ ко мнѣ съ букетикомъ сорванной со стельками земляники и, подавая его, улыбаясь сказалъ: «вотъ я и ягодокъ принесъ». Я и глазамъ своимъ не вѣрила и, обратясь къ монахинѣ, сказала: «надо замѣтить это мѣсто; неужели здѣсь такъ рано поспѣваетъ земляника?» Монахиня тоже выразила сомнѣніе. Впрочемъ мѣсто мы замѣтили, и я рѣшила, какъ только прїѣдемъ въ монастырь, послать сюда сестеръ поискать земляники, что и было исполнено; но конечно, никакой земляники по раннему времени и по характеру грунта земли не могли здѣсь найти. Тѣмъ не менѣе мѣсто это стало предметомъ всеобщаго вниманія, даже всѣ проходящіе считали какъ бы обязанностью побывать на немъ, что и заставило вмѣсто вбитаго колышка поставить крестъ. Отсюда и ведетъ свое начало наименованіе этого скита «Крестикъ», такъ какъ вошло въ употребленіе

«Пустынька» или «Крестикъ» въ первоначальномъ видѣ.

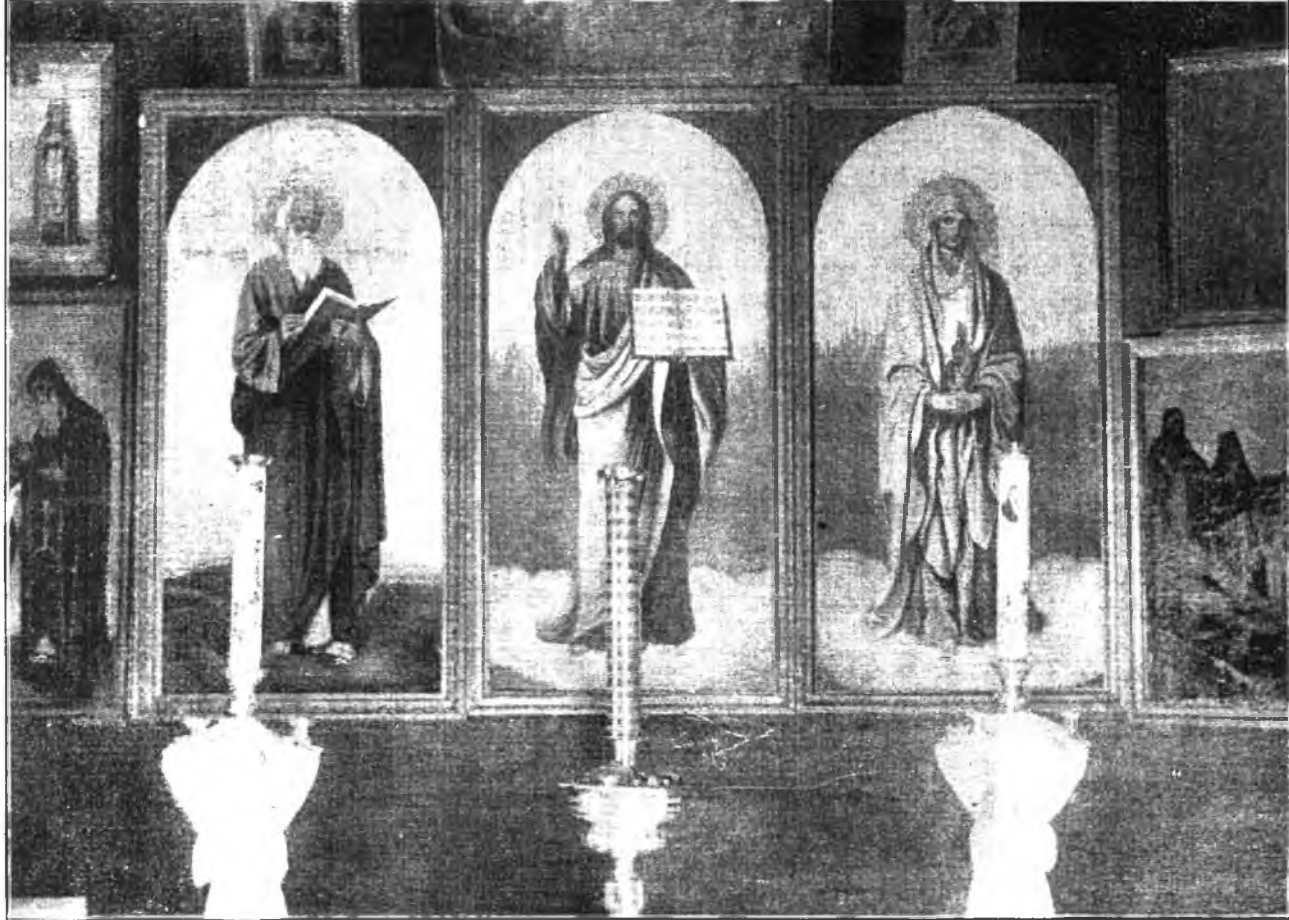
говорить: «были у крестика», «пойдемъ ко кресту». Передъ этимъ крестикомъ нерѣдко читались акаѳисты и каноны, особенно людьми, имѣвшими какую-либо скорбь, которые потомъ заявляли, что, помолившись тамъ, находили облегченіе. Никакая непогода, даже въ зимнее время, не мѣшала желающимъ посѣщать это мѣсто. Это обстоятельство вынудило меня обратиться къ бывшему тогда Архіепископу Новгородскому Теогносту съ просьбою разрѣшить поставить маленькую часовенку съ келіею не для жительства тамъ кого-либо, а часовню—для случайныхъ посѣтителей, келію же—въ качествѣ мѣста отдыха для меня, утружденной начальственной суетой, гдѣ бы я могла предаться молитвенному средоточію и безмолвію среди лѣсной тишины. Въ 1893 году, къ пріѣзду о. Іоанна, были уже готовы часовня съ келіею, куда досточтимый пастырь и уединялся для своихъ молитвенныхъ подвиговъ, проводя иногда здѣсь большую часть дня.

Въ 1898 году Архіепископъ Теогностъ, обзрѣвая Леушинскую обитель, посѣтилъ и эту часовенку. Вошедъ въ келію, чуждую всякаго даже скромнаго убранства, онъ сѣлъ въ ней на простую деревянную скамью, передъ такимъ же некрашенымъ столомъ, глубоко вздохнулъ, и слезы заблестѣли на его глазахъ. Затѣмъ онъ произнесъ: «матушка, какое у тебя здѣсь блаженство! какъ легко вздохнулось здѣсь!» На это я отвѣчала, что и у него есть близъ Новгорода мыза Архіерейская, въ которой онъ можетъ уединяться. Но онъ возразилъ: «ахъ, ты не знаешь: я—на дачу, а дѣла впередъ ужъ меня туда прибѣжали». Посидѣвъ нѣсколько, онъ вдругъ сталъ планировать: «вотъ бы эти два

окна превратить въ арку, да пристроить маленькій алтарекъ,—вотъ бы и церковка была, блаженство-то какое!»—Не вѣря своимъ ушамъ отъ радости, ибо это было и моею завѣтною мечтою, я отвѣтила ему: «Владыка святой! ужь очень бы это было хорошо! да я не смѣла и просить объ этомъ; вѣдь для церкви надобенъ священникъ: штатному здѣсь нельзя быть, а заштатнаго старца вотъ и для скита съ трудомъ подыскиваемъ. На это Владыка сказалъ: «зачѣмъ, зачѣмъ отдѣльнаго священника? вѣдь въ праздникъ ты всегда должна быть въ монастырскомъ храмѣ съ сестрами; а въ будень, когда вздумаешь, можетъ отслужить здѣсь и свободный священникъ изъ двухъ вашихъ. Если хочешь, подай прошеніе: я разрѣшу; начерти хоть сама маленькій планчикъ этой часовни и какъ предполагаешь пристроить къ ней алтарь; я самъ вижу все на мѣстѣ и на этомъ основаніи могу разрѣшить». Я не знала, какъ и благодарить Владыку, и поспѣшила исполнить предложенное. Это было въ маѣ мѣсяцѣ. Когда въ іюль того же года, по обычаю, пріѣхалъ о. Іоаннъ, я передала ему о результатѣ посѣщенія Архіепископомъ Θεогностомъ «Пустыньки». О. Іоаннъ перекрестился и нѣсколько разъ повторилъ: «слава Тебѣ, Господи!» Когда я спросила у него, почему онъ ранѣе никогда не выражалъ своего желанія, чтобы была здѣсь церковь, онъ отвѣтилъ: «я положился на Господа, да будетъ воля Его, а не моя; и вотъ Онъ Самъ благоволилъ осуществить Свою святую волю».

Вотъ какъ возникла «Пустынька» съ храмомъ во имя св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова!

Въ томъ же году стали запасать лѣсъ и весь

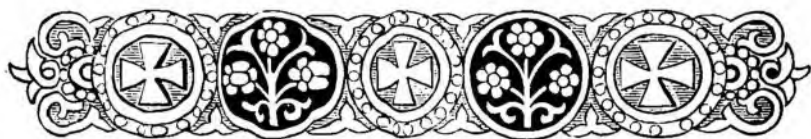
Иконостасъ прежней часовни въ «Пустынькѣ».

нужный матеріаль для пристройки алтаря и других приспособленій, необходимых для церкви. Такъ какъ дѣло было несложное, пристройка небольшая, то къ слѣдующему іюлю мѣсяцу, ко времени прибытія о. Іоанна, храмъ былъ уже готовъ и съ благословенія Архіепископа освященъ о. Іоанномъ во имя св. Ап. и Еванг. Іоанна Богослова. Одна близкая моя знакомая, институтская подруга, Елизавета Пасмурова поусердствовала сдѣлать мраморный престолъ; она же, равно и другіе знакомые и благодѣтели доставили для храма всю нужную утварь, такъ что ничѣмъ не пришлось обременять монастырь, равно какъ и на всѣ расходы по пристройкѣ не пришлось тратить монастырскія средства, такъ какъ петербургская купчиха У. Сорокина пожертвовала на этотъ предметъ 500 рублей.

По сіе время «Пустынька» эта составляетъ излюбленное мѣстечко всей обители и ея богомольцевъ, а теперь, со времени кончины о. Іоанна, она сдѣлается еще дороже и пріятнѣе для всѣхъ цѣнившихъ этого великаго и незабвеннаго пастыря. Церковь въ ней маленькая, смежная съ такою же небольшою комнатою, гдѣ стоятъ богомольцы въ зимнее время; а лѣтомъ они размѣщаются вокругъ ея на открытомъ воздухѣ, гдѣ при открытыхъ окнахъ прекрасно слышно все Богослуженіе. Колокольни нѣтъ, да не имѣется и колоколовъ, кромѣ одного 6-фунтоваго, за неимѣніемъ средствъ.

Находится она съ южной стороны отъ монастыря, на разстояніи около одной версты.

Туда теперь проложена прекрасная дорога.

Собственноручныя замѣтки о. Іоанна Кронштадтскаго на отдѣльныхъ листкахъ, хранящіяся у игуменіи Таисіи.

I.

Я не напрасно упоминалъ и упоминаю Толстого. Этотъ новый, самозванный учитель и писатель унижаетъ всѣхъ святыхъ Православной Церкви, всѣхъ Апостоловъ, мучениковъ, преподобныхъ, вселенскихъ учителей и витій неподражаемыхъ—Златоуста, Василия Великаго, Григорія Богослова и всѣхъ великихъ подвижниковъ и учителей Христіанства, унижаетъ всю Церковь, не признавая ея Божественнаго авторитета, истины и спасительности, одного себя и свой умъ возвышая и возводя на недосызаемую высоту, приписывая себѣ одному непогрѣшность. Но отъ плодовъ дерево познается. Посмотрите, что породило въ русскихъ толстовское ученіе: разнузданность умовъ, сердець и волей, распущенность нравовъ, разрывъ брачныхъ священныхъ узъ, эпикурейское наслажденіе жизнью, безвѣріе и безбожіе многихъ, поклоненіе своему разуму, самопрельщеніе, гордыню бѣсовскую и самоубійства. Разумные и богобоязливые

люди, конечно, скоро познають нелѣпицу и пагубу толстовскаго ученія; но многіе и увлекаются имъ, потому что, какъ всѣ ереси, такъ и толстовская, имѣють въ себѣ нѣкоторую заманчивость для неокрѣпшихъ.

Да сохранить Господь русскихъ людей отъ такихъ и подобныхъ пагубныхъ ученій и да утвердить насъ въ единомыслии и правой вѣрѣ и страхѣ Божиемъ. Будемъ всѣ стараться приносить Богу плоды покаянія и добрыхъ дѣлъ, будемъ распинать плоть со страстями и похотями, какъ тлѣнную и преходящую, и прилежать о душѣ безсмертной, о исправленіи ея и украшеніи всякою добродѣтелию. Аминь.

Прот. І. Сергіевъ.

18 окт. 1896.

II.

Храмъ Божій—плавильня для переплавленія проржавѣвшаго всякимъ грѣхомъ естества человѣческаго; баня для омытія сквернъ плоти и духа; училище для поученія невѣжествующихъ и заблуждающихъ; солнце, просвѣщающее и оживотворяющее отемненныхъ и умерщвленныхъ грѣхами; лечебница, въ которой врачуются раны душевныя; святилище, въ которомъ отъемлются скверны грѣховныя и освящаются благодатію Духа Святаго и таинственными службами души и тѣла наши; рай земный, въ которомъ питаемся безсмертною, нетлѣнною пищею—Тѣломъ и Кровію Христовою; таинственная гора Синай, съ которой Истинный Законодатель Христосъ Богъ возвѣщаетъ намъ непре-

станно волю Свою; истинная Церковь Божія и царство небесное, въ которомъ совокупаются таинственно, духовно всѣ члены Тѣла Христова небесные, земные и преисподніе; здѣсь вся церковь первородныхъ—здѣсь праотцы, патріархи, пророки, Апостолы, святители, мученики, лица преподобныхъ и всѣ праведные ликовствуютъ и вмѣстѣ съ нами славословятъ единого Бога, Спасителя и Жизнодавца.

Якоже не можетъ Ефіоплянинъ премѣнить кожу свою и рысь пестроты свои, тако и вы не можете добро творити, научившеса злу. (Расположеніе, навѣкъ ко грѣху.)

«Храмъ Божій святъ есть, иже есте вы»... «Не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте?»

III.

Всѣ вы, братія мои возлюбленные, пришли въ этотъ храмъ каяться, сбросить съ себя бремя грѣховъ, примириться съ Богомъ и съ своею совѣстію, получить миръ душевный, свободу, легкость души, обновленіе, силу къ жизни добродѣтельной. Но что же такое грѣхъ, всѣхъ насъ омрачающій, туманящій, посрамляющій, губящій? Это—порожденіе діавола, злобнаго духа, утратившаго свою первую доброту и святость чрезъ гордость и противленіе Богу и полнаго невообразимаго зла. Это—лютая язва, рана, покрывающая все человѣчество, струнь гнойный, смердящій на всемъ человѣческомъ родѣ, общая страшная тля, которая тлить постепенно, а иногда и крайне быстро все человѣчество, какъ было при Ноѣ, при Авраамѣ и Лотѣ, какъ это есть

и нынѣ. Это—смерть въ зародышѣ, грозящая превратиться въ вѣчную смерть душъ. Противъ этого недуга, противъ этой язвы, этого гнойнаго струпа, этой тли, только одно средство—вѣра въ Господа Иисуса Христа и искреннее покаяніе. Люди самые мудрые, образованные, по положенію сильныя и великіе міра, совершившіе много великихъ дѣлъ, не могли побѣдить въ себѣ грѣха,—какъ и нынѣшніе свѣтски образованные и умные люди и великіе міра не могутъ сами собою побѣдить грѣха безъ вѣры во Христа.

На другихъ двухъ запискахъ приведены изъ Библии по синодальному русскому переводу подлинныя слова Свящ. Писанія: на одной—Псал. 31, 1—2 и Псал. 17, 10—16; на другой—Дѣян. 17, 30—31, съ добавленіемъ двухъ словъ: «Синайское законодательство».

